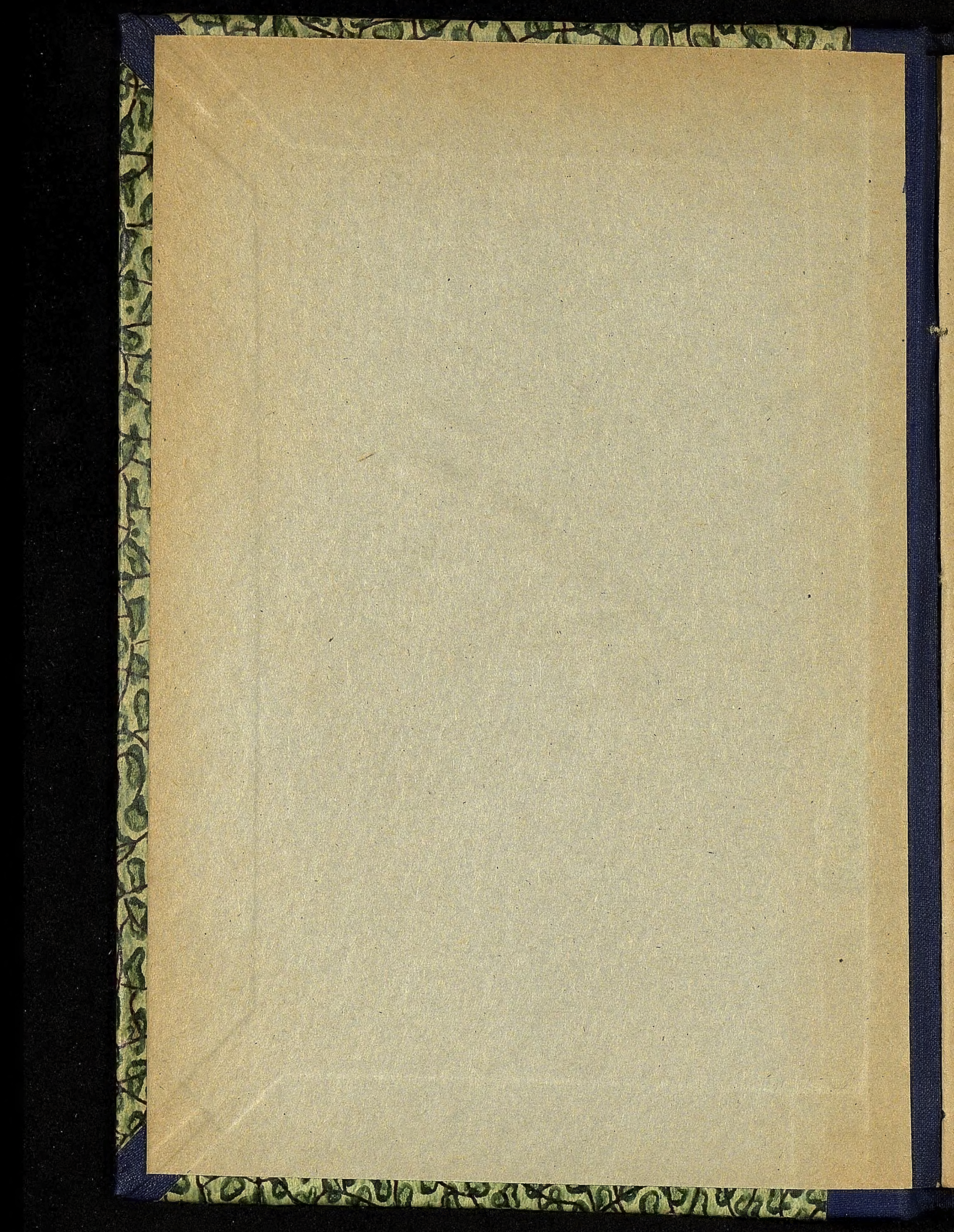

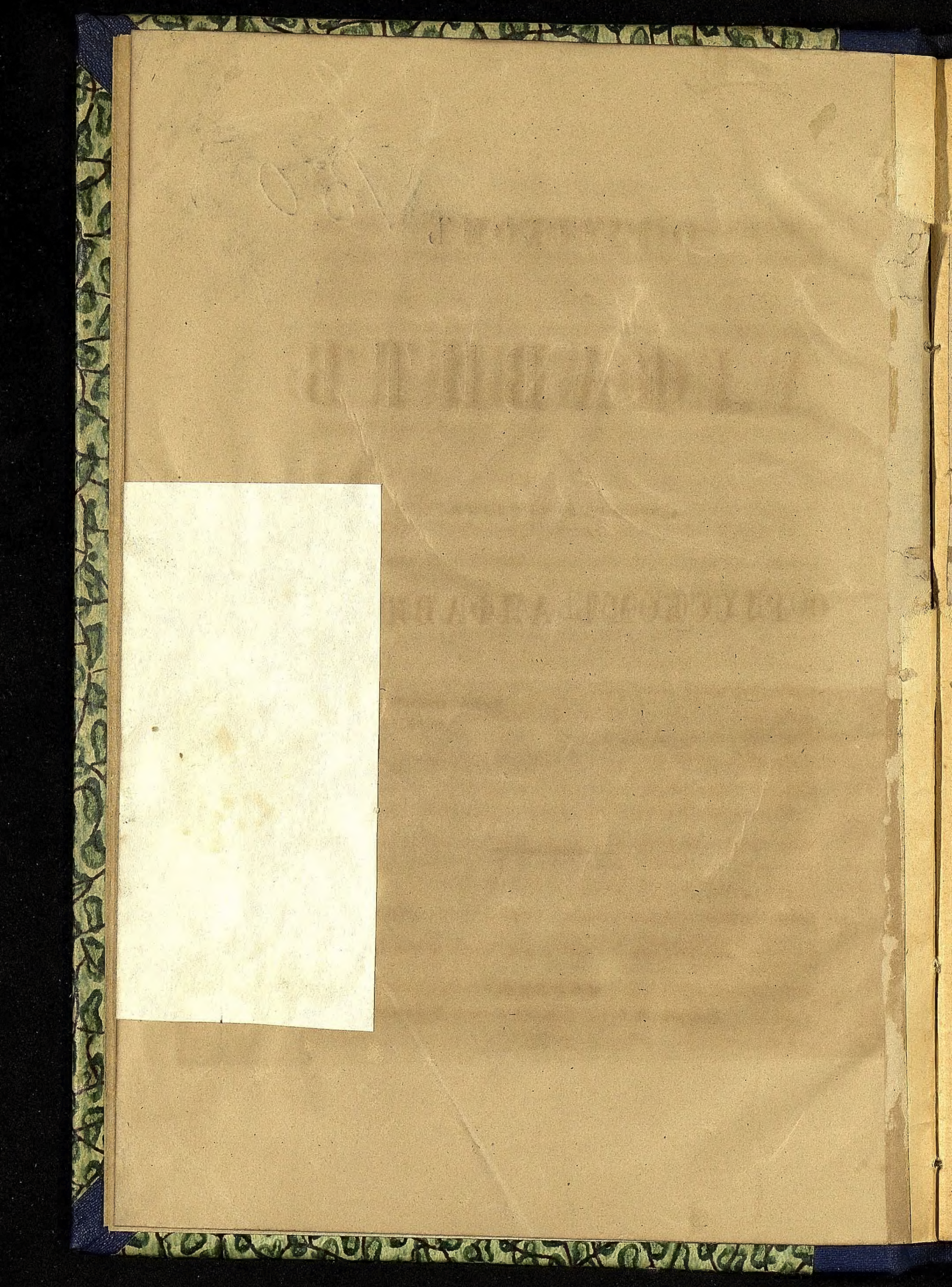
О РУССКОМЪ АЛФАВИТѢ

НИКОЛАЯ ЗАСЯДКО.

Sequens mirabitur aetas
OVIDIUS.

МОСКВА.

1871.

О РУССКОМЪ АЛФАВИТѢ.

О РУССКОМЪ

АЛФАВИТѢ

НИКОЛАЯ ЗАСЯДКО.

Sequens mirabitur aetas.

OVIDIUS.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
1871.

Дозволено цензурою. Москва. Марта 15 дня, 1871 года.

Quod si me lyricis vatibus inseris,
Sublimi feriam sidera vertice.

HORATIUS.

Издавая въ свѣтъ этотъ небольшой трудъ, считаемъ нелишнимъ, сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Намъ могутъ сдѣлать два возраженія. Спросятъ: есть-ли точно настоятельная необходимость, измѣнять нашъ алфавитъ? И еще, будетъ-ли такъ измѣненный алфавитъ, принятъ въ общее употребленіе?

На первый вопросъ, лучше отвѣтить вопросомъ; спросить: есть-ли какая-нибудь возможность, писать, какъ мы пишемъ? Гдѣ-то, въ статьѣ этой, замѣтили мы что только привычка дѣлаетъ сносными, недостатки нашего письма. И это совершенно вѣрно. Дѣйствительно, потому-что мы привыкаемъ смладенчества, читать этѣ странныя литеры,

потому только мы можемъ, безъ удивленія, смотрѣть на наши печатныя страницы. Что̀ значитъ это множество знаковъ? Что̀ значатъ этѣ *буквы-слоги*, этѣ *полугласныя*, этѣ совсѣмъ *безгласныя* литеры? Цѣлыя строки, гдѣ иногда нельзя встрѣтить ни одной, строчной литеры? Кчему мы, наконецъ, добровольно лишаемъ себя зрѣнія, и вдобавокъ, даромъ кидаемъ деньги и время?

Обратимся ко второму возраженію. Что̀ отвѣтить? Конечно, привычка имѣетъ здѣсь большое значеніе. Но не лучше-ли отказаться отъ нея, хотя-бы и съ трудомъ, если дѣло того требуетъ? Впрочемъ, нѣкоторый навыкъ необходимъ къ тому только, чтобъ употреблять этотъ алфавитъ, для письма. Читать такъ напечатанную страницу, не можетъ быть затруднительнымъ для тѣхъ, кто, какъ большее число нашихъ учившихся людей, сколько-нибудь знакомъ съ латинской печатью. И еслибъ гг. издатели наши, рѣшились, въ видѣ опыта, печатать, хотя нѣкоторыя книги, этой исправленной печатью, быстрый успѣхъ, мы совершенно убѣждены въ томъ, оправдалъ-бы ихъ рѣшимость.

Исправить нашъ алфавитъ,—а кто усомнится въ томъ, что онъ нуждается въ исправленіи?—можно, кажется, однимъ только путемъ, тѣмъ, который принятъ въ этомъ опытѣ. Едва-ли найдется, къ тому, другой способъ. Всѣ исправленія, какія сдѣланы здѣсь, основаны, на подробномъ изученіи законовъ нашего языка, и на тѣхъ неизмѣнныхъ правилахъ ортографіи, которыя нарушать, не имѣетъ права ни одинъ, цивилизованный языкъ. Въ нихъ нѣтъ ничего произвольнаго: мы не измѣняемъ ни одной черты, безъ настоятельной необходимости. При всемъ томъ, корень нашего алфавита остается тотъ, чтó и теперь есть, безъ всякой отмѣны. Искусно-ли онъ примѣненъ къ роднымъ нашимъ звукамъ, пусть судитъ самъ, безпристрастный читатель. Чтó - касается сходства этой печати съ латинской, въ отношеніи литерныхъ очертаній, то сомнѣваемся, чтобы его можно было избѣжать, и едва-ли кто-либо изъ образованныхъ людей, посѣтуетъ за то, что оно есть. Впрочемъ въ самой статьѣ, мы подробнѣе касаемся этого предмета.

Повторяемъ рѣшительно: мы не можемъ остаться при нынѣшней, нашей печати. Что предки такъ

писали, не имѣетъ никакой силы. Предкамъ, можно еще было извинить этотъ способъ писать, но не потомкамъ.

О РУССКОМЪ АЛФАВИТѢ.

Sublustrique aliquid dant cernere noctis in umbra.
OVIDIUS.

Если прислушаться къ различнымъ сужденіямъ людей, читающихъ и пишущихъ, о нашемъ алфавитѣ, то прійдется встрѣтить самыя разнородныя мнѣнія. Между-тѣмъ какъ одни, такъ къ нему привязаны, что даже не считаютъ возможнымъ, найти въ немъ какія-либо погрѣшности и устранить ихъ, и съ радостію возвратились-бы къ древнимъ, неизящнымъ, славянскимъ литерамъ, другіе, напротивъ, готовы легкомысленно, промѣнять свою азбуку, на всякую другую. Наконецъ, весьма многіе, усматривая, въ нашемъ письмѣ, нѣкоторыя несовершенства, обыкновенно, впрочемъ, замѣченныя другими, охотно глумятся надъ ними, вовсе не думая о томъ, есть-ли возможность ихъ исправить, и какимъ именно путемъ.

Однако, если легкомысленное сужденіе о каждомъ предметѣ, конечно, должно быть отвергнуто, то нельзя одобрить и слѣпой привязанности къ тому, что нами усвоено, отъ чего-бы она ни происходила,—отъ уваженія-ли къ древнему авторитету, или только отъ привычки. Если нашъ алфавитъ, дѣйствительно, погрѣшаетъ много, какъ относительно изящества и четкости шрифта, такъ и относительно

количества письменныхъ знаковъ, и самой ортографической правильности, то что̀ мѣшаетъ намъ его исправить? И для чего, держаться намъ несовершеннаго, если можемъ имѣть лучшее?

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда мы останавливались мысленно на этомъ вопросѣ, и всматриваясь въ недостатки нашего письма, недоумѣвали, какъ они могутъ быть исправлены, случилось намъ взглянуть на печатную страницу, гдѣ литеры наши расположены были, въ азбучномъ порядкѣ, и намъ представились, одна за другой, послѣдовательно, съ достаточной подробностью и совершенно-ясно, всѣ тѣ перемѣны и дополненія, исключенія и замѣны, какія съ удобствомъ могутъ быть въ немъ произведены, для того чтобы дать ему надлежащую правильность и всѣ, желаемыя свойства. Это тѣ самыя измѣненія, которыя мы намѣрены объяснить въ этой статьѣ, и кои принять, считаемъ настоятельной необходимостью.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы затѣмъ, дѣло обошлось вовсе безъ затрудненій. Много затрудняли насъ, нѣкоторыя частности. Надо было также, дать научное основаніе задуманнымъ исправленіямъ, и вывесть ихъ изъ одной, общей мысли. Такъ составился этотъ измѣненный, русскій алфавитъ, стоившій намъ если не много труда, то не мало мысленной заботы. Предлагаемъ его вниманію образованныхъ людей. Долго нерѣшались мы на то, не думая, чтобы такое коренное измѣненіе нашего письма, вскорѣ могло встрѣтить общее сочувствіе. Размышленіе привело насъ къ иному убѣжденію. Дѣйствительно, потребность въ улучшеніи нашего алфавита, никогда, кажется, не могла быть столь настоятельной, какъ теперь. Замѣчательное развитіе печати въ наше время, развитіе, которое, близкое будущее, по-видимому, можетъ только усилить, болѣе и болѣе дѣлаетъ чувствительными, недостатки нашего письма, гдѣ особаго

вниманія заслуживаетъ чрезмѣрная его растянутость, послѣдствіе излишняго числа письменныхъ знаковъ, и оттого, напрасная трата времени, капитала и труда, и всѣ другія затрудненія, для издателей, писателей и типографій.

Не скроемъ, что алфавитъ нашъ, въ томъ видѣ, какъ мы предлагаемъ его измѣнить, будетъ имѣть, въ очертаніяхъ литеръ, большое сходство съ латинскимъ. Но могло-ли быть иначе? И нынѣшній нашъ алфавитъ, также имѣетъ это сходство, хотя въ меньшей степени. Причиной тому, условія печатнаго шрифта, которыя, для всѣхъ языковъ всегда были и будутъ однѣ. Тѣ очертанія литеръ, какія найдены лучшими и болѣе удобными для печати, въ одномъ языкѣ, также окажутся удобными, (т. е. красивыми и четкими), во всякомъ другомъ. И если-бы представилась возможность, придумать совершенно-своеобразныя очертанія, для иныхъ литеръ, то какая и кому была-бы отъ того польза? И для чего-бы это дѣлать? Надо притомъ помнить, что нашъ алфавитъ и латинскій, имѣютъ общее основаніе: алфавитъ греческій, котораго наибольшее число литеръ, сохранились и въ томъ, и въ другомъ, хотя измѣнились, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ произношеніе, или употребленіе. Бо́льшая часть прописныхъ литеръ, и въ греческомъ, и въ латинскомъ языкѣ, печатаются совершенно-сходно. И если-бы издатели греческихъ книгъ рѣшились, наконецъ, измѣнить свой курсивный шрифтъ, на печатный, т. е. рѣшились издавать книги, вмѣсто печатныхъ рукописей, что́ кажется давно пора сдѣлать, то и греческая печать, по-необходимости, приблизилась-бы къ латинской, можетъ-быть даже болѣе, чѣмъ измѣненная, русская.

Но, скажетъ кто-либо, если это такъ, если дѣйствительно необходимо сдѣлать, въ нашей печати, существенныя перемѣны, и если измѣненный нашъ алфавитъ долженъ имѣть

сходство съ латинскимъ, то не лучше-ли просто принять послѣдній, приспособивъ его, по-возможности, къ звукамъ роднаго нашего языка? Нѣтъ, отвѣтимъ мы, никакъ не должно допустить это. Западные народы дѣйствительно поступили такъ, и заимствовавъ у римлянъ цивилизацію, приняли алфавитъ ихъ, который употребляютъ и нынѣ, приноровляя его, часто съ большими ортографическими натяжками, каждый къ своему языку. Мы имѣемъ то преимущество, что съ первыми сѣменами христіанской гражданственности, принятой нами отъ грековъ, получили отъ нихъ и свой собственный алфавитъ. Не смотря на значительныя несовершенства, и на неполную соотвѣтственность звукамъ славянскаго языка, онъ тѣмъ-не-менѣе, тысячелѣтнимъ употребленіемъ, достаточно оправдалъ и свои достоинства. Кчему намъ добровольно отказываться отъ этого преимущества? Притомъ, каждому извѣстно, что въ латинскій алфавитъ съ давняго времени, введены значительныя отступленія отъ греческаго, какъ чрезъ прибавку новыхъ знаковъ, такъ и въ самомъ правописаніи, въ произношеніи нѣкоторыхъ литеръ, и въ очертаніи другихъ. Измѣненія этѣ, конечно, соотвѣтствовали потребностямъ языка, для котораго были сдѣланы, но кчему намъ, навязывать себѣ чужія поправки, и вводить, въ свою печать, такія добавленія, какія ей всегда были чужды?

Что́ мы предлагаемъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы удержавъ, въ русскомъ алфавитѣ, древній греческій корень, вполнѣ усвоенный ему столь долгимъ употребленіемъ, искуснѣе примѣнить его, къ звукамъ роднаго нашего языка, воспользовавшись, для того, современными ортографическими способами, и исключивъ всѣ ненужные и лишніе знаки.

Этотъ измѣненный алфавитъ имѣетъ большія преимущества предъ тѣмъ, который мы употребляемъ до сего времени. Въ немъ только *двадцать-двѣ* литеры, вмѣсто

употребляемыхъ нынѣ, *тридцати-шести.* Въ числѣ этѣхъ литеръ, нѣтъ ни одного, совершенно-новаго знака, т. е. чуждаго алфавитамъ другихъ, цивилизованныхъ народовъ. Только двѣ литеры заимствованы по-необходимости изъ латинской печати, потому-что не имѣютъ соотвѣтствующихъ знаковъ, въ греческой, и для двухъ, исправлены очертанія, по латинскому образцу. Всѣ остальные знаки, древніе, греческіе, которые всегда нами употреблялись, и теперь останутся безъ перемѣны. Не смотря однако на то, и на сравнительно столь незначительное число знаковъ, всѣ отличительные звуки нашей рѣчи, съ помощію этого алфавита, могутъ быть выражены, съ гораздо большей полнотой, и смѣемъ думать, съ большей правильностью, чѣмъ теперь. Наконецъ, почти всѣ литеры въ немъ, имѣютъ различныя очертанія, для прописной формы и для строчной, что должно придать нашей печати все желаемое изящество и четкость. Стоитъ-ли говорить о томъ, какая выгода должна произойти, отъ сокращенія ея, въ экономіи труда и капитала? Сокращеніе это должно простираться, по нашему мнѣнію, по-крайней-мѣрѣ, на пятую часть, сравнительно съ нынѣшней печатью.

Прежде, впрочемъ, чѣмъ приступимъ къ подробному изложенію своего предмета, т. е. къ разсмотрѣнію недостатковъ нашего алфавита, и тѣхъ улучшеній, какія считаемъ необходимымъ въ немъ произвесть, можетъ-быть, не безполезно будетъ припомнить, въ краткомъ очеркѣ, его историческія судьбы.

I.

Abest enim historia litteris nostris.

CICERO.

Одновременно съ первыми зачатками гражданской жизни въ Россіи, славяне совсѣмъ другаго племени, моравскіе славяне, впослѣдствіи утратившіе самобытное существованіе, и въ то время, едва просвѣщенные христіанской вѣрой, пожелали слышать божественное слово, на родномъ языкѣ, и просили, чрезъ князей своихъ, греческаго императора Михаила, прислать имъ для того, способныхъ наставниковъ. Этотъ трудъ, распространенія и утвержденія святой вѣры, въ полудикихъ славянскихъ племенахъ, приняли на себя, по приглашенію императора, апостолы славянъ, святые братья, Константинъ, философъ, (въ монашествѣ Кириллъ), и Меѳодій. Ими переведены, съ греческаго, на славянскій языкъ, какъ самыя священныя книги, такъ и книги, необходимыя для богослуженія; ими составленъ, сколько извѣстно, первый, полный и удовлетворительный, славянскій алфавитъ. Азбука эта, названная, *кириллицей*, въ честь младшаго брата, коему преданіе преимущественно приписываетъ славу ея составленія, до сего времени употребляется, значительной частью славянскихъ племенъ и народомъ русскимъ. Благоговѣйное удивленіе, чрезъ столько вѣковъ, сопровождавшее память святыхъ братьевъ, у всѣхъ славянъ, оставшихся вѣрными православію, достаточно указываетъ на великость ихъ заслугъ. Не касаясь, впрочемъ, сдѣланнаго ими на славянскій языкъ перевода священныхъ книгъ, который безъ измѣненія сохранился, въ церковномъ употребленіи, до нашихъ дней,—трудъ, громадность коего легко вообразить,—ни апостоль-

скаго священнаго ихъ служенія, остановимся только на томъ, что составляетъ предметъ этого изслѣдованія, т. е. на составленномъ ими для славянъ алфавитѣ.

До нихъ, славяне не имѣли письменности, въ полномъ значеніи этого слова. Но отсюда не слѣдуетъ ни того, чтобы они вовсе не имѣли азбуки, ни того, чтобы у нихъ не было опытовъ выражать свои мысли на письмѣ. Изъ словъ древняго сказателя, «о письменахъ», (говоримъ о черноризцѣ Храбрѣ), должно, напротивъ, заключить, что славяне, прежде святыхъ Кирилла и Меѳодія, имѣли свой алфавитъ, хотя и весьма-несовершенный, и почему-либо, неудовлетворительный. Какъ иначе объяснить слова его, о «*чертахъ и рѣзахъ*», кои они употребляли, для выраженія своихъ мыслей, когда еще не были просвѣщены крещеніемъ, и о томъ, что принявъ крещеніе, они пытались писать, хотя безъ полнаго успѣха, одни, римскими, другіе, греческими литерами. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, затрудненіе, конечно, заключалось въ тѣхъ звукахъ славянскаго языка, которые были чужды языкамъ греческому и латинскому. Что́-касается выраженія: «*черты и рѣзы*», то оно, очевидно, употреблено здѣсь, для отличія древнихъ, причудливыхъ славянскихъ буквъ, отъ классическихъ, греческихъ и латинскихъ литеръ.

Впрочемъ, дѣлая ссылку на свидѣтельство древняго сказателя, нельзя не остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Свидѣтельство Храбра, по древности своей, имѣетъ чрезвычайную важность; оно бросаетъ яркій свѣтъ на взаимное отношеніе славянскихъ азбукъ, и потому не безполезно будетъ посвятить ему нѣсколько строкъ, тѣмъ болѣе, что приведенныя слова, какъ намъ кажется, у насъ, до сего времени, не совсѣмъ вѣрно передаются.

Вотъ подлинныя слова Храбра, коими онъ начинаетъ свое сказаніе: «Прежде убо словѣне не имѣяху книгъ, но чер-

«тами и рѣзами читаху и гадаху, погани суще, крестив-«шежеся греческими и римскими письмены нуждахуся пи-«сати словѣнскую рѣчь безъ устроенія.» Первое, что́ здѣсь, неясностью своею, невольно останавливаетъ вниманіе, это, конечно, выраженіе: «*чертами и рѣзами читаху и гадаху.*» Вотъ, по нашему мнѣнію, истинный смыслъ этѣхъ словъ. *Рѣза*, по южно-русскому выговору: *риза*, означаетъ всякое смѣшное украшеніе. *Гадати*, должно значить здѣсь, запамятовать, или сохранять въ памяти, слѣдовательно, и записывать для памяти. Малорусское: *згадай*, донынѣ, повсемѣстно, въ этомъ племени, значитъ: *вспомни*. Монахъ Храбръ разсуждаетъ такъ: славяне, до крещенія, не имѣли *книгъ*,—какихъ? Очевидно, *священныхъ*, слѣдовательно, перевода ихъ. Въ такомъ случаѣ, думаетъ онъ, строго говоря, имъ нечего было, ни писать, ни читать. Однако, они обладали искуствомъ письма. Для какой цѣли? «Чертами и рѣзами», отвѣчаетъ, «читаху и гадаху», т. е. свои смѣшно-изукрашенные, (рѣзы), знаки или начертанія, (черты), они употребляли только для того, чтобы записывать для памяти, и прочитывать, когда и что́ указывала надобность. «Погани суще», заключаетъ онъ, какъ-бы въ поясненіе, т. е., такъ они поступали, потому-что были язычники. Впрочемъ все это, очевидно, только презрительныя выраженія, новообращеннаго и ревностнаго христіанина, о древнемъ, письменномъ искуствѣ его соплеменниковъ, славянъ. Въ словахъ: «*читаху и гадаху*», невольно слышится какъ-бы отвѣтъ самихъ славянъ-язычниковъ, на вопросъ, для чего имъ нужны ихъ письмена.

Заключительныя строки приведеннаго отрывка, не представляютъ затрудненія для переводчика; но нельзя не остановить вниманія на словахъ: «*безъ устроенія*». Изъ нихъ, съ очевидностью слѣдуетъ, что пытавшіеся употреблять, для славянскаго языка, литеры греческаго и

римскаго алфавита, дѣлали это, безъ всякаго приспособленія этихъ алфавитовъ, къ славянскимъ звукамъ. Это приспособленіе, какъ далѣе объясняетъ древній писатель, впервые открыто св. Кирилломъ.

Мы неимѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какія основанія приняты были, святыми Кириломъ и Меѳодіемъ, при составленіи славянскаго алфавита, но взглянувъ на трудъ ихъ, можемъ составить, безъ сомнѣнія, приблизительно-вѣрное о томъ понятіе. Во-первыхъ, они внесли въ него всѣ греческія литеры, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были, въ ихъ алфавитѣ, сохранивъ имъ и то произношеніе, какое онѣ имѣли, въ греческомъ языкѣ, въ ихъ время; затѣмъ, для выраженія звуковъ собственно славянскаго языка, неимѣвшихъ, соотвѣтствующихъ знаковъ въ греческомъ, они прибавили нѣсколько лишнихъ буквъ. Гдѣ они почерпнули эти лишніе знаки? Едва-ли найдется достаточное основаніе, предполагать здѣсь какое-либо заимствованіе, у восточныхъ, или другихъ какихъ народовъ, у армянъ, коптовъ, или евреевъ, какъ думаютъ многіе. Съ бо́льшей вѣроятностью, кажется, слѣдуетъ предположить, что эти, недостававшіе знаки, взяты ими изъ древнѣйшей, славянской азбуки, т. е. *глаголитской*.

Рѣшаемся думать, что послѣдній алфавитъ древнѣе кирилловскаго, хотя не беремся доказывать того, такъ-какъ оно удалило-бы насъ отъ цѣли нашего изслѣдованія. Нельзя однако не замѣтить, что на то указываетъ, кромѣ приведеннаго свидѣтельства Храбра, еще и самое названіе этой азбуки: *глаголица*, и сравнительное несовершенство ея, ставшее причиной того, что она никогда не получила, сколько нибудь общаго, у славянъ, употребленія. Худшее прежде лучшаго, и несовершенное, прежде возможно добраго, — вотъ общій законъ человѣческихъ дѣлъ, который и въ этомъ случаѣ, не могъ быть нарушенъ. И

притомъ, кому понадобилось-бы нечеткое, растянутое, неудобное, полуграммотное, глаголитское письмо, когда была уже на лицо кириллица? Придерживаться его, по привычкѣ къ старинѣ, очевидно, могли многіе; принять такую новизну, послѣ изобрѣтенія столь удовлетворительнаго алфавита, какъ кирилловскій, едва-ли кому могло прійти въ голову. «Кто вкусилъ сладкаго, тотъ не захочетъ горькаго,» сказали сами славяне.

Надо помнить, что до насъ дошли только позднѣйшіе списки памятниковъ, писанныхъ глаголицей, гдѣ алфавитъ этотъ очевидно измѣненъ. Мы имѣемъ и преданіе, объ исправленіи древней славянской азбуки, ученикомъ св. Меѳодія, св. Климентомъ. Можно думать, что древняя славянская, или глаголитская азбука исправлена послѣднимъ, по образцу кирилловскаго алфавита, и что въ такомъ только видѣ дошло до насъ, это, въ высшей-степени, неудобное и некрасивое письмо. Къ потвержденію такого мнѣнія служатъ, и сходство этого алфавита съ кирилловскимъ, въ отношеніи количества литеръ, ихъ произношенія и расположенія, и сохранившіяся въ немъ, древнія очертанія послѣднихъ. Предполагать, какъ нѣкоторыми сдѣлано, что глаголитская азбука, составлена учителями западной церкви, въ-противность греческимъ проповѣдникамъ, и въ болѣе позднее время, кажется намъ, въ высшей-степени неосновательно, во-первыхъ, потому-что оно ничѣмъ недоказано, а потомъ, трудно предположить, чтобы учители этой церкви, если имѣли подобное желаніе, не придумали чего-либо, болѣе привлекательнаго, чѣмъ странные знаки глаголицы. И такъ, вѣроятнѣе всего, что первые составители славянскаго алфавита взяли недостававшіе для него знаки изъ глаголицы, упростивъ ихъ, и приблизивъ, по-возможности, къ остальнымъ своимъ литерамъ. Стоитъ, впрочемъ, взглянуть на этѣ буквы, на *юсы*,

на *ш, ц, щ, ч,* чтобы убѣдиться въ основательности этого мнѣнія. Наконецъ названія, данныя литерамъ этого новоустроеннаго алфавита, составителями его, очевидно, почерпнуты изъ древнѣйшей, славянской азбуки. Это такія слова, которыя конечно греку, никогда не могли прійти въ голову. Здѣсь надо обратить особое вниманіе на названіе: *глаголь,* удержанное вмѣсто греческаго: *гамма,* для буквы этой, которая перешла, безъ измѣненія, изъ алфавита послѣдняго языка, во вновь-составленный. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что отсюда произошло и названіе: *глаголица,* усвоенное древнѣйшей азбукѣ славянъ *).

Какъ-бы то ни-было, преимущества алфавита, составленнаго для славянъ, святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, были очевидны, почему онъ и былъ принятъ и удержанъ, наибольшимъ числомъ, славянскихъ племенъ. Дѣйствительно, какъ-бы ихъ методъ ни показался намъ простъ, но несом-

---

*) Сожалѣемъ, что не имѣемъ возможности, остановиться долѣе на этомъ любопытномъ вопросѣ. Ограничимся слѣдующей замѣткой. Здѣсь могутъ встрѣтиться два возраженія. Спросятъ: для чего могла представиться надобность въ передѣлкѣ древней, глаголитской азбуки? И еще, кого должно считать составителемъ послѣдней? Каждый, кто безпристрастно всмотрится въ этотъ предметъ, и обратитъ вниманіе на то, въ какихъ частяхъ азбука эта сближена, съ кирилловскимъ алфавитомъ, надѣемся согласится, что безъ-сомнѣнія, она, гораздо-болѣе послѣдняго, погрѣшала въ томъ, что называется разложеніемъ языка на отдѣльные звуки. Что̀-касается изобрѣтателя ея, то выскажемъ здѣсь, только, какъ смотримъ на этотъ предметъ, сами. Кажется, что оставивъ въ сторонѣ блаженнаго Іеронима, и всякое другое лицо, надо будетъ признать, что глаголитская азбука возникла, съ самаго древняго времени, и мало-по-малу. Сходство нѣкоторыхъ ея литеръ, съ алфавитами древнихъ, восточныхъ народовъ, котораго никакъ нельзя отрицать, причудливыя очертанія этихъ знаковъ, привязанность къ ней многихъ славянъ, наконецъ совершенное отсутствіе всякаго, сколько-нибудь достовѣрнаго, лѣтописнаго свидѣтельства, объ ея изобрѣтателѣ, и объ эпохѣ ея составленія, вотъ что̀ можетъ служить подтвержденіемъ такого взгляда.

нѣнно то, что не такъ было легко его найти. Часто, то труднѣе всего достигается, что̀, бывъ достигнуто, всѣмъ кажется совершенно - яснымъ и легкимъ. Что̀ - касается достоинствъ этого алфавита, то мы легко можемъ цѣнить ихъ. Безъ-сомнѣнія, то была первая, полная и удовлетворительная, славянская азбука. Въ ней, очертанія литеръ, по-возможности просты, и что̀ важнѣе всего, теперь только явилась возможность, выражать, съ достаточной отчетливостью, всѣ разнообразные звуки славянскаго языка: этѣ гласныя, въ различной степени смягчаемыя, этѣ шипящія согласныя, чуждыя языкамъ греческому и латинскому, эти твердые и мягкіе акценты согласныхъ, составляющіе особенность славянской рѣчи. Между-тѣмъ, количество письменныхъ знаковъ, (ихъ было около сорока), окажется сравнительно весьма не велико, если вспомнимъ, что мы до сего времени употребляемъ почти то-же число. Нельзя не признать, что просвѣтители славянъ сдѣлали, въ этомъ отношеніи все, что̀, по времени и обстоятельствамъ, могли сдѣлать Они дали имъ возможность читать и писать, на родномъ языкѣ, и тѣмъ, равно какъ переводомъ священныхъ книгъ, положили основаніе славянской письменности, и литературы этихъ народовъ. Заслуга ихъ безсмертна.

Но, если нельзя не признать большихъ достоинствъ, въ трудѣ составителей славянскаго алфавита, то отсюда не слѣдуетъ, ни того, чтобъ онъ былъ непогрѣшителенъ, ни того, чтобъ онъ могъ вполнѣ удовлетворять насъ. Потому-что мы удалены, отъ эпохи его составленія, разстояніемъ тысячи лѣтъ, и имѣемъ вполнѣ развившійся, самобытный языкъ, давно, во многомъ уклонившійся отъ церковно-славянскаго, и литературу, самостоятельную и достаточно развитую. Стоитъ, впрочемъ, припомнить обстоятельства, въ коихъ дѣйствовали святые просвѣтители славянъ, чтобы понять неизбѣж-

ность, съ ихъ стороны, значительныхъ погрѣшностей, въ этомъ дѣлѣ. Кириллъ и Меѳодій были природные греки, и хотя, какъ оказывается, достаточно были знакомы съ языкомъ славянъ, но тѣмъ-не-менѣе, онъ, по-необходимости, долженъ былъ для нихъ быть, и всегда остаться, языкомъ чуждымъ. Прислушиваясь къ звукамъ этого языка, они отчетливо слышали ихъ особенности, но этѣ особенности, могли казаться имъ болѣе существенно-важными, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Хотя сами они, особенно первый, были люди, весьма просвѣщенные, обладавшіе значительнымъ запасомъ знаній, какія время ихъ, представляло возможность пріобрѣсть, но подобныхъ знаній, они не могли найти, и не нашли у природныхъ славянъ, коихъ знакомство съ родной рѣчью, не могло потому принесть имъ, всей той пользы, какой они должны были ожидать. Отсюда, напримѣръ, произошло, что для выраженія, различной степени смягчаемости гласныхъ, они приняли, каждый разъ, особыя литеры, и такимъ-образомъ получено, то чрезмѣрное количество гласныхъ буквъ, которое, и до сего времени, поражаетъ насъ, въ нашемъ алфавитѣ. Это была ошибка. У каждаго народа, и во всѣхъ языкахъ, при множествѣ письменныхъ знаковъ, трудно было-бы уберечь, въ точности, произношеніе каждаго изъ нихъ. У славянъ, тѣмъ болѣе. При разрозненности славянскихъ племенъ, изъ коихъ многія, вскорѣ, вовсе утратили политическую самостоятельность, и ни одно, не имѣло зачатковъ самобытной письменности, при тѣхъ измѣненіяхъ, какія неизбѣжно должны были, вкрасться въ произношеніе, отъ вліянія мѣстности, и еще болѣе, отъ вліянія времени, значеніе этихъ знаковъ, очевидно, должно было измѣниться, или и совсѣмъ затеряться. Такъ, мы, до сего времени, употребляемъ литеру: *ѣ*, но не знаемъ, какой звукъ она, первоначально

имѣла, и для чего введена, въ нашъ алфавитъ. То-же съ буквою: *ы, (еры)*, и съ такъ-называемыми: *юсами*, о коихъ догадываются, что они означали носовые звуки,—предположеніе, позволительно думать, нисколько не доказанное.

Съ другой стороны, составители славянскаго алфавита прекрасно поступили, исключивъ изъ него, греческія дифтонги, въ коихъ онъ, дѣйствительно, не нуждался. Но, благоговѣя предъ своимъ классическимъ языкомъ, они во-первыхъ, внесли, въ этотъ алфавитъ, нѣсколько знаковъ совершенно - лишнихъ, — знаки эти всѣмъ извѣстны, — во-вторыхъ, не рѣшаясь, или не желая, ни въ какомъ случаѣ, измѣнять произношеніе, усвоенное литерамъ, въ греческомъ языкѣ, они вторично впали, въ ту-же ошибку. Такъ извѣстно, что литера: *Βῆτα*, въ позднѣйшую эпоху Имперіи, имѣла, большею частію, то произношеніе, какое имѣетъ у грековъ, до сего времени, т. е. нашей: *в*. Но несомнѣнно и то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она сохраняла прежнее, преимущественное свое значеніе, согласной: *б*. Доказательствомъ тому, пусть послужитъ греческое слово: *Βίβλια*, которое произносится одинаково, на всѣхъ языкахъ, хотя пишется чрезъ эту согласную. Само-собой разумѣется, что читавшій, руководился здѣсь, навыкомъ. Составители нашего алфавита, очевидно, были въ затрудненіи, какъ поступить, въ этомъ случаѣ, для славянскаго языка, и вотъ они, для выраженія звука: *б*, придумали измѣнить нѣсколько, очертаніе греческой: *Βῆτα*, и такимъ-образомъ получено наше славянское: *Буки*, знакъ, который надо будетъ признать, не только некрасивымъ, но и лишнимъ, если обратить вниманіе на то, что, въ греческомъ алфавитѣ, есть литера: *ὗ ψιλόν*, (славянская: *ѵэжица*), которая имѣетъ двоякое произношеніе, гласной: *і*, и согласной: *в*. Двоякое произношеніе ея, въ славянскомъ языкѣ, не

встрѣчало никакой надобности. Стоило только, оставить за ней, значеніе согласной буквы. Но они не рѣшились на это измѣненіе, и мы получили двѣ, лишнія литеры.

Наконецъ, надо обратить вниманіе на то, что этотъ алфавитъ имѣетъ, одну только форму, для литеръ, которыя здѣсь всѣ, прописныя. По времени, и то было весьма-удовлетворительно, потому-что, конечно, у племенъ, едва выходившихъ изъ состоянія дикости, и едва-просвѣщенныхъ христіанской вѣрой, нельзя было ожидать, значительнаго развитія письменности. Но, долгое время, оно не могло держаться. Съ развитіемъ письменности, почеркъ рукописей, необходимо, долженъ былъ измѣниться, и дѣйствительно, мы видимъ, въ Россіи, съ XIV вѣка, т. е. спустя три вѣка, послѣ введенія христіанства, измѣненіе его, сначала, въ полу-уставный, а съ половины XVI, въ скорописный почеркъ. При введеніи книгопечатанія, удержано было древнее письмо, которое для печати, представляло конечно, несравненно-болѣе удобствъ.

Въ дѣлѣ, занимающемъ насъ, изобрѣтеніе типографскаго искуства играетъ весьма-важную роль. Значеніе его, главнымъ образомъ, зависитъ отъ той однообразной формы, какую получаютъ, въ печати, литеры каждаго алфавита. Здѣсь, искуство переписчика теряетъ всякое значеніе. Литеры, бывъ однажды ввѣрены типографскому станку, сохраняютъ свою форму, неизмѣнной, навсегда. Съ другой стороны, отчетливость, какая получается, при однообразныхъ очертаніяхъ, дозволяетъ употреблять литеры, несравненно-болѣе мелкія, чѣмъ въ рукописи. Отсюда наконецъ, настоятельная необходимость, чтобы литеры прописныя, были отличены, по очертанію, отъ строчныхъ.

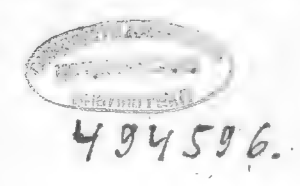
Изъ этого одного слѣдуетъ, что съ развитіемъ книгопечатанія въ Россіи, необходимо долженъ былъ измѣниться, хотя нѣсколько, и русскій алфавитъ. Измѣненіе это произошло, при императорѣ Петрѣ I. Какъ неудовлетворительны однако, принятыя, въ этомъ случаѣ, поправки, всѣмъ извѣстно. Исключены двѣ, или три, вышедшія изъ употребленія, греческія литеры, *(кси, пси)*. Нѣкоторыя литеры приняли очертанія латинскихъ, самое, впрочемъ, незначительное число, *(а, е, о)*. Очертанія другихъ, получили нѣсколько-упрощенную и болѣе-однообразную форму, чѣмъ, конечно, исправился отчасти, его наружный видъ; но тѣмъ и ограничились всѣ улучшенія. Не озаботились даже, дать строчнымъ литерамъ, форму, отличную отъ прописныхъ, въ наибольшемъ числѣ случаевъ. Можно сказать, что нашъ алфавитъ, въ это время, нѣсколько ухудшился, именно тѣмъ, что въ него введенъ, совершенно лишній и некрасивый знакъ, такъ называемое, *е, оборотное*, *(э)*. Оборотное: *е!* Почему было не придумать *оборотнаго: в?* Нѣкоторыя литеры получили странную наружность: *я*. Что-касается внутреннихъ недостатковъ алфавита, то само-собой разумѣется что объ исправленіи ихъ, не могло быть рѣчи, по недостатку способныхъ къ тому людей. Древняя азбука осталась той-же, что и была. Такъ образовался нашъ, правильно названный, *гражданскій шрифтъ.*

Позднѣе, алфавитъ нашъ подвергся еще одному, небольшому улучшенію, столь впрочемъ незначительному, что не стоитъ о немъ упоминать, какъ только для полноты изложенія. Въ учебникахъ, изданныхъ, во второй половинѣ прошедшаго вѣка, славянскимъ буквамъ, вмѣсто ихъ славянскихъ названій, *(азъ, буки,* и проч.), указано произношеніе латинское, *(а, бе,* и т. д.). Весьма-странно было, конечно, кто не согласится, измѣнять древнія названія, данныя буквамъ ихъ изобрѣтателями, если не могли при-

думать ничего новаго, взамѣнъ того, что̀ было погрѣшительнаго въ самомъ алфавитѣ. Впрочемъ, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, древнія названія сохраняются, до нашего времени, (*Буслаевъ*, Истор. грамматика русск. языка, Часть I, Этимологія, § 15).

И такъ славянскій алфавитъ, какъ видно изъ этого краткаго очерка, потерпѣлъ весьма-мало улучшеній, со времени его изобрѣтенія, святыми братьями, просвѣтителями славянъ. Мы сохраняемъ его, до сей поры, и для русскаго языка. Литеры, которыя мы нынѣ, ежедневно, читаемъ въ печати, и сами употребляемъ, для выраженія своихъ мыслей на письмѣ, суть древнія, славянскія, кирилловскія буквы,—*sclavonicas litteras a Constantino quondam philosopho repertas*,—нѣсколько только переодѣтыя. Достоинства, какія были въ этомъ алфавитѣ, остались до нашихъ дней, и недостатки, какіе есть, все тѣ-же, за малыми исключеніями, что̀ были и во время его составленія.

Между-тѣмъ, ортографическая правильность алфавита имѣетъ большую важность. Не только, потому-что странно писать ошибочно, допускать, ежедневно, завѣдомо и каждому, эти странные недосмотры письма, но и по другой причинѣ. Ошибочное правописаніе, какъ мы увидимъ, вводитъ въ заблужденіе филологовъ, и приводитъ къ погрѣшительности грамматическихъ опредѣленій и правилъ, что̀ несравненно важнѣе.

II.

Nulla vox humana constat absque septem litteris,
Rite vocales vocavit quas magistra Graecia.
TERENTIANUS MAURUS.

Теперь время разсмотрѣть, съ возможной краткостью, тѣ недостатки нашего алфавита, которые, безъ-сомнѣнія, неразъ останавливали на себѣ вниманіе людей мыслящихъ.

Взглянемъ, прежде всего, на его наружный видъ. Алфавиты всѣхъ европейскихъ языковъ, употребляютъ, въ печати, два различныя очертанія, одно, для прописныхъ, и другое, для строчныхъ литеръ. Не трудно понять, для чего такъ дѣлается. Это различіе очертаній имѣетъ весьма-важное значеніе, какъ для изящества, такъ и для четкости печати. Прописныя буквы, занимая болѣе мѣста, въ печатной строкѣ, могутъ имѣть очертанія, болѣе сложныя, состоять изъ большаго числа отдѣльныхъ линій. Если мастѣснить этѣ литеры, безъ измѣненія, въ узкую рамку малой, печатной строки, то онѣ получатъ некрасивый видъ, и потребуютъ усиленнаго напряженія зрѣнія, со стороны читателя. Потому, малымъ литерамъ, всегда дается форма, нѣсколько упрощенная, и притомъ, въ большей части случаевъ, черты, болѣе или менѣе выступающія, изъ нижней, или изъ верхней линейки, печатной строки. Такъ напечатанная страница, имѣетъ изящный видъ и читается легко.

Въ латинской азбукѣ, изъ *двадцати-шести* литеръ, употребляемыхъ нынѣ, только *восемь*, имѣютъ одинакія очертанія съ прописными, и притомъ, большею частію, тѣ, въ которыхъ сходство это, по простотѣ очертаній,

не вредитъ достоинству шрифта, (какъ: *c, i, o, v*). У насъ, наоборотъ: изъ *тридцати-шести* литеръ, составляющихъ нашъ алфавитъ, *пять*, только, (*а, б, е, р, у*), имѣютъ въ печатномъ шрифтѣ, различныя очертанія, для прописной и строчной формы; а всѣ остальныя, въ томъ и другомъ случаѣ, печатаются совершенно-сходно. Какія отъ того происходятъ неудобства, не стоитъ распространяться, такъ онѣ очевидны. Чтó-бы сказали, напримѣръ, о латинской печати, если-бы вмѣсто изящнаго шрифта, къ какому всѣ привыкли, въ этомъ языкѣ, привелось встрѣтить цѣлыя страницы, напечатанныя мелкими, прописными буквами? Конечно, оно всѣмъ показалось-бы, весьма-страннымъ. Между-тѣмъ, если не совершенно-тоже, то почти то, мы видимъ у себя, и смотримъ, безъ удивленія, на свою печать, вѣроятно потому единственно, что привыкаемъ къ ней смладенчества.

Не говоря о томъ, что литеры наши имѣютъ крайне-некрасивый видъ и безъ-нужды, пестрятъ печать, — здѣсь главное неудобство, для самихъ насъ, читающихъ и пишущихъ. Шрифтъ нашъ нечетокъ, а при весьма-мелкой печати, до такой степени неразборчивъ, что, какъ извѣстно, самый мелкій печатный шрифтъ, у насъ, никогда не употребляется. Для письма, оно нѣсколько улучшено. Дѣйствительно, не представилось-бы никакой возможности, писать скоро, мелкими, прописными буквами. Въ общемъ употребленіи, по-крайней-мѣрѣ, десять литеръ приняли особыя очертанія, для мелкаго письма, и пишущіе, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе, употреблять нѣкоторыя буквы, особыхъ очертаній,—руководствуясь, каждый, своимъ навыкомъ. Но, какое отсюда происходитъ затрудненіе, для читающихъ этѣ рукописи, извѣстно всѣмъ, кому приходилось ихъ разбирать, и каждому понятно будетъ, кто вспомнитъ, что пишущихъ много, и что каждый изъ

нихъ, одну и туже букву, можетъ писать, и по общепринятому образцу, и руководствуясь своей привычкой.

Кромѣ-того, нѣкоторымъ литерамъ, у насъ, безъ всякой видимой причины, дана форма, совсѣмъ иная, или значительно измѣненная, противъ подлинника, изъ коего онѣ заимствованы. Такихъ литеръ, *пять:* *Д*, *З*, *И*, *Л*, *Н*. Всѣ онѣ взяты прямо, изъ греческагоалфавита, но, безъ-сомнѣнія, ни одинъ грекъ не узналъ-бы ихъ, въ той одеждѣ, какую онѣ у насъ приняли. Скажемъ нѣсколько словъ, о каждой изъ нихъ.

Наша литера: *Добро*, есть греческая: *Δέλτα*. Кто не согласится, однако, что было-бы лучше, оставить ее въ томъ видѣ, какъ она стоитъ въ греческомъ алфавитѣ, чѣмъ пестрить прибавкой двухъ кисточекъ? Неужели рѣшится кто, усмотрѣть въ этой прибавкѣ, какую-либо особенность славянскаго письма? Допустимъ, что въ рукописи, можно было терпѣть эту причудливость, ради большей четкости, но кчему удерживается она, до сего времени, въ печати, трудно объяснить. Однако, если литера эта имѣетъ весьма-странный видъ, когда печатается прописной, то еще болѣе-странно видѣть тотъ-же некрасивый знакъ, въ срединѣ малой, печатной строки. И греки, свою крупную: *дельту*, употребляли только, для прописныхъ литеръ, а строчную, писали почти также, какъ и мы пишемъ нынѣ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что латинское: *D*, есть таже: *дельта*, только облагоображенная, коей вмѣсто некрасиваго, тупаго угла, придана изящная, округленная линія. Мы, въ рукописи, давно употребляемъ латинское очертаніе этой литеры. Почему было, не сдѣлать того, и для печати?

Тоже трудно объяснить, почему литерѣ: *Земля*, дана нынѣшняя ея форма, которой она, въ греческомъ алфа-

витѣ, никогда не имѣла. Въ славянской азбукѣ, букву эту писали всегда, какъ строчную греческую: *ζῆτα*, что имѣетъ смыслъ, хотя и неизящно. Мы даемъ ей форму арабской цифры, — безъ всякаго повода. Въ греческомъ алфавитѣ, прописная: *Ζῆτα*, имѣетъ тоже очертаніе, что и въ латинскомъ. Кажется, что и у насъ, ее слѣдовало-бы писать и печатать также.

Наша литера: *Люди*, есть греческая: *Λάμβδα*, но въ формѣ ея, безъ всякаго основанія, сдѣлано значительное уклоненіе отъ подлинника, и далеко не къ лучшему. У грековъ, ее печатаютъ такъ, какъ прописную литеру: *Λ*, только безъ поперечной черты. Притомъ, такія изогнутыя линіи, какъ первая черта, въ нашемъ: *Л*, нигдѣ, въ печати, не употребляются. И строчное: *л*, ничѣмъ не отличено, отъ прописнаго. Не странно-ли это?

Литеры: *Иже* и *Нашъ*, тоже греческія, какъ и три, разсмотрѣнныя буквы, хотя съ перваго взгляда, оно можетъ показаться и не столь яснымъ. Онѣ суть, именно, греческія буквы: *Ἦτα* и *Νῦ*. Вслѣдствіе чего, онѣ такъ измѣнились, у насъ, противъ своего первообраза? Конечно, единственно, вслѣдствіе ошибки, мало-по-малу, вошедшей въ обычай. Что литера: *Иже*, есть ничто иное, какъ греческая: *Ἦτα*, тому, конечно, никто не станетъ возражать. Это доказывается, и самымъ греческимъ ея названіемъ: *ита*, и тѣмъ числительнымъ знакомъ, *(8)*, который она означаетъ, въ греческой и въ древней, церковно-славянской письменности,—а извѣстно, что въ нихъ цифры, за малыми исключеніями, всегда писали, одними и тѣми знаками, — и древнимъ, нашимъ правописаніемъ собственныхъ именъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка. Такъ, имена: *Ονήσιμος*, *Νικήφορος*, *Κλήμεντος*, въ древнемъ, церковно-славянскомъ языкѣ, писали буквально съ греческаго: *Онисімъ*, *Нікифоръ*, *Климентъ*. Особое внима-

ніе надо обратить, здѣсь, на собственное имя: *Іисусъ;* его, въ древнѣйшихъ, церковно-славянскихъ рукописяхъ, пишутъ такъ: *Іисоус*, (*Ἰησοῦς*). Наконецъ, мѣсто, какое литера эта занимаетъ въ славянской азбукѣ, составленной по образцу и въ порядкѣ греческаго алфавита, и самое очертаніе ея, въ древнихъ рукописяхъ, еще болѣе подтвердятъ наши слова. Если взглянемъ на старинныя рукописи, не ранѣе даже XIV или XV вѣка, то замѣтимъ что эта литера неизмѣнно писалась, какъ греческая, *прописная:* *Ἧτα.* Особыхъ, строчныхъ знаковъ, какъ мы замѣтили, славянскій алфавитъ не имѣлъ. Очевидно, что измѣненное направленіе поперечной черты, произошло здѣсь, мало-по-малу, частію, вѣроятно, по ошибкѣ, или по незнанію писавшими греческаго языка, частію, для отличія отъ литеры: *Нашъ*. Что-касается послѣдней, то она, въ древнихъ рукописяхъ, пишется, какъ греческая: *Νῦ,* т. е. имѣетъ совершенно-сходное очертаніе, съ латинской: *N*. Она измѣнилась только гораздо позднѣе, и тоже не иначе, какъ по незнанію писавшихъ, или можетъ-быть, по неудобству этого послѣдняго очертанія, для мелкаго письма. Желающіе, могутъ убѣдиться, въ справедливости сказаннаго, взглянувъ на церковно-славянскія слова, въ какомъ-либо, изъ новѣйшихъ, учено-филологическихъ трудовъ, гдѣ удерживаются обыкновенно, съ подлинниковъ, древнія очертанія литеръ. Можно впрочемъ, указать, для примѣра, на житія св. Кирилла и Меѳодія, напечатанныя, съ древнихъ рукописей и древнимъ письмомъ, въ Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн. Росс., за 1866 годъ. Для-чего удерживаемъ мы, до сего времени, очевидно-погрѣшительное очертаніе этѣхъ литеръ?

Вотъ неправильность, во внѣшней формѣ нашего алфавита, на которую необходимо указать, прежде чѣмъ

перейти, къ разсмотрѣнію болѣе существенныхъ его недостатковъ.

Мы имѣемъ, какъ извѣстно, *тринадцать* литеръ, совершенно-своеобразныхъ очертаній. Почти всѣ онѣ, составлены были, изобрѣтателями славянской азбуки, собственно для славянскаго языка, и удерживаются нами, до сего времени, и для русскаго. Буквы этѣ, слѣдующія: *б, ж, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, э, ю, я.* Но остановимся на томъ, въ какомъ случаѣ, могла-бы встрѣтиться надобность, въ совершенно-новыхъ знакахъ для алфавита, который составляется тогда, когда другія, цивилизованныя націи давно имѣютъ свои алфавиты? Смѣемъ думать, въ томъ только случаѣ, если-бы пришлось выразить звуки, совершенно-новые, чуждые другимъ языкамъ, такіе звуки, которыхъ не представилось-бы никакой возможности, написать, существующими уже, всѣми признанными, и всѣмъ извѣстными знаками. Но весьма-странно было-бы, составлять новый, какой-либо знакъ, для звука, всѣмъ знакомаго, общаго всѣмъ языкамъ. Возьмемъ, для примѣра, литеру: *а.* Звукъ, какой ей выражается, не чуждъ, ни одному языку. Литера, употребляемая для него, всегда и у всѣхъ, была и есть одна. Мы употребляемъ, въ этомъ случаѣ, тотъже знакъ, что̀ и другіе, и поступаемъ совершенно-правильно. И точно, что̀ сказалъ-бы тотъ, кто, встрѣтивъ, въ алфавитѣ европейскаго языка, какой-либо, новый и своеобразный знакъ, узналъ, что̀ онъ выражаетъ, всѣмъ столь близкій, гласный звукъ: *а?* Конечно, каждый-бы тому не мало удивился. Мы, не удивляясь, читаемъ и пишемъ двѣ литеры: *Б* и *Э*, выражая, этими чрезвычайными знаками, столь общіе всѣмъ звуки, безъ коихъ, конечно, не обходился ни одинъ языкъ, и ни одинъ алфавитъ. Звуки эти, на всѣхъ языкахъ, писали и пишутъ, однѣми и тѣми литерами. Для чего отступаемъ мы, отъ общепринятаго обычая,

и трудимся писать, своеобразные и некрасивые знаки, для этихъ, столь всѣмъ знакомыхъ, звуковъ? У составителей нашего алфавита, подобный недостатокъ могъ произойти, отъ несовершеннаго знакомства, съ потребностями славянскаго языка, и съ его правописаніемъ. Но почему мы, такъ упорно держимся, до сего времени, этого страннаго недосмотра, трудно объяснить. Въ своемъ мѣстѣ, надѣемся доказать, что для остальныхъ, поименованныхъ звуковъ, мы тоже совершенно напрасно, употребляемъ своеобразные знаки. Одни изъ нихъ, могутъ быть откинуты, другіе, безъ неудобства, замѣнены литерами, всѣмъ извѣстными.

Нельзя не указать еще на слѣдующія неправильности нашего алфавита. Множество буквъ, вслѣдствіе сходства очертаній, такъ сливаются одна съ другой, особенно въ письмѣ, что иногда цѣлыя слова, читающій можетъ разобрать, единственно, по догадкѣ. Это извѣстно каждому, кто имѣлъ случай упражняться въ разборѣ рукописей. Укажемъ здѣсь на литеры: *и, н, п, ц, ч, л, г, г̄,* или на: *ж, ш, щ, т̄, м.* Кто, изъ пишущихъ и читающихъ, не вспомнитъ, какого труда стоитъ намъ иногда, разобрать, мелко-писанную страницу, незнакомаго почерка? Но, и въ печати, недостатокъ этотъ весьма чувствителенъ.

Наконецъ, наши строчныя и курсивныя литеры, иногда, въ очертаніяхъ своихъ, совершенно разнятся, отъ прописныхъ и печатныхъ. Такъ, напримѣръ, строчное: *б*, нисколько не походитъ, на прописное. Въ рукописи, литеры: *Г, Д, Т*, ничего не имѣютъ общаго, съ очертаніемъ, усвоеннымъ имъ, въ печати. При томъ литеру: *Т*, которую всегда, и на всѣхъ языкахъ, писали *одной* чертой, пишемъ мы, *тремя* чертами. Для чего? Но любопытнѣе всего, какъ мы поступаемъ, съ первою изъ этѣхъ буквъ. Прописное: *Г*, мы пишемъ такъ, какъ слѣдуетъ писать литеру: *Т*, а строчное, курсивное и рукописное: *г*,

нисколько не походитъ, у насъ, ни на прописное, ни на печатное очертаніе этой литеры, и рѣшительно не имѣетъ ничего общаго, ни съ однимъ: *г*, ни одного алфавита. Мы пишемъ его, совершенно сходно, съ древней, славянской литерой: *зѣло*, давно забытой, и въ славянской печати. Что причиной, этой странности? Ничто иное, конечно, какъ досужая фантазія какого-нибудь, непризваннаго генія, каллиграфа.

Для литеры: *ѣ*, и въ рукописи, и въ курсивномъ шрифтѣ: мы употребляемъ древнѣйшій знакъ, *јотированнаго: есть*, постоянно встрѣчающійся въ древнихъ, церковно-славянскихъ памятникахъ, но не-вѣсть когда исчезнувшій изъ употребленія. А звукъ, *јотированнаго: у*, изображаемъ этимъ страннымъ знакомъ, который, нынѣшнимъ своимъ очертаніемъ, нисколько не обнаруживаетъ подобнаго назначенія. Наконецъ, собственно-славянскія буквы, (*ж*, *щ* и друг.), донынѣ сохраняютъ, у насъ, свои сѣдыя древностью и некрасивыя очертанія.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію внутреннихъ недостатковъ нашего алфавита, несравненно-болѣе важныхъ.

Каждая литера, каждаго алфавита, служитъ обыкновенно, для выраженія одного, простаго звука, а не двухъ. Это совершенно-правильно, и не можетъ подлежать спору. Во всякомъ случаѣ, литера непремѣнно должна выражать звукъ гласный, или согласный, потому-что соединеніе этихъ разнородныхъ звуковъ, образуетъ не букву, а *слогъ*, изъ *двухъ буквъ*. Отступленіе отъ этого обычая есть нарушеніе коренныхъ правилъ правописанія. Но мы имѣемъ *пять*, такъ называемыхъ, гласныхъ буквъ, которыя, безъ сомнѣнія, весьма правильно будетъ, признать, за слоги. Это буквы, *е*, *и*, *ѣ*, *ю*, *я*. Изъ нихъ: *е*, *ѣ*, *ю*, *я*, когда стоятъ, въ началѣ слога, всегда имѣютъ ясно-слышный, двойственный звукъ, согласной: *јоты*, и гласныхъ: *е*, *у*, *а*; а литера: *и*,

хотя рѣдко принимаетъ этотъ звукъ, въ началѣ слога, зато всегда имѣетъ его, когда слѣдуетъ, послѣ согласной, съ мягкимъ удареніемъ, т. е. такъ называемымъ, мягкимъ знакомъ, или буквою: *ь*. Такъ мы говоримъ: *есть*, *ѣхать*, *семья*, *даю*, какъ-будто писали: *jесть*, *jехать*, *семь-jа*, *да-jу*. Мы произносимъ слова: *соловьи*, *ручьи*, такъ: *соловь-jи*, *ручь-jи*. Это очевидная неправильность.

Въ первомъ случаѣ, причина ея кроется, въ той погрѣшительности нашего алфавита, вслѣдствіе коей, литеры этѣ, сами-по-себѣ, служатъ, для выраженія двойнаго звука; во второмъ, она происходитъ отъ неполноты алфавита. Вслѣдствіе неимѣнія, въ немъ, согласной: *jоты*, обычай заставилъ придать, въ этомъ случаѣ, литерѣ: *и*, не свойственный ей, предзвукъ этой согласной, потому-что во всѣхъ другихъ случаяхъ, мы произносимъ ее, правильно: *идти*, *носить*, *доить*.

Тѣмъ не ограничивается, однако, неправильность, при употребленіи нами литеръ: *е*, *ѣ*, *ю*, *я*. Когда буквы этѣ слѣдуютъ, за согласными, въ одномъ слогѣ, то получаютъ совершенно особое произношеніе, отличное отъ прежняго. Мы пишемъ: *конецъ*, *велѣть*, *гонять*, *стрѣлять*, *молю*, *дѣлю*, но произносимъ этѣ слова такъ, что въ гласныхъ: *е*, *ѣ*, *ю*, *я*, вовсе не слышно предзвука: *jоты*, а получаютъ онѣ, совершенно-особое, мягкое произношеніе. И такъ мы неправильно поступаемъ, употребляя одни и тѣ-же знаки, для выраженія совершенно-различныхъ звуковъ.

Разсмотримъ какой, въ сущности, звукъ выражаемъ мы, ставя означенныя гласныя, послѣ согласныхъ буквъ? Стоитъ вслушаться внимательно, въ собственное-наше произношеніе, и звукъ этотъ сдѣлается совершенно яснымъ, а также станетъ понятной, и неправильность нашей ортографіи. Дѣйствительно, мы замѣтимъ, что литеры

этѣ произносимъ такъ, какъ-бы писали: *стрѣльать, гоньать, коньэцъ, вельэть, мольу, дѣльу*. Здѣсь, звуки: *ль, нь*, т. е. смягченныя согласныя: *л, н*, произносятся слитно, съ послѣдующими, твердыми гласными: *а, е, у*. Вслѣдствіе того, сами гласныя этѣ принимаютъ мягкое удареніе, свойственное, связанной съ ними, въ одинъ слогъ, согласной.

О гласной: *е*, здѣсь замѣтимъ, что она въ нашемъ языкѣ, весьма-рѣдко имѣетъ правильный, твердый звукъ, открытаго: *е*, (*э*), который принадлежитъ ей во всѣхъ другихъ языкахъ. Такъ, напримѣръ, въ названіяхъ мѣстности: озеро *Селигéръ*, *Пéно*, село *Врéво*, и нѣкоторыхъ другихъ, въ словахъ: *этотъ, экой, цѣлость, смѣшеніе, положеніе, щедрость* и другихъ, гдѣ эта гласная слѣдуетъ, за такъ-называемыми, шипящими согласными, мы произносимъ ее правильно, открыто. Также въ нѣкоторыхъ, усвоенныхъ нашему языку, иностранныхъ словахъ: *эхо, экваторъ*. Но подобное произношеніе составляетъ у насъ исключеніе. Несравненно въ большей части случаевъ, мы произносимъ ее совершенно-мягко. Конечно, надо отнести такой выговоръ, къ неправильности нашей рѣчи, но неправильность эта, рѣшительно усвоена, какъ народнымъ языкомъ, такъ и языкомъ образованнаго класса.

Кстати укажемъ и на то, что сходно съ означенными гласными, и гласная: *о*, въ нашей рѣчи, не только слышна часто, съ *јотированнымъ* звукомъ, *(подъемъ, поетъ, ежъ)*, но принимаетъ также часто и мягкій акцентъ, отъ предшествующей ей, мягкой согласной. Слова: *конемъ, огнемъ, ведетъ, несетъ, серегъ*, мы произносимъ такъ, какъ-бы писали: *коньомъ, огньомъ, несьотъ, ведьотъ, серьогъ*. Въ окончаніяхъ: *омъ, отъ, огъ*, гласная: *о*, связана, въ одинъ слогъ, съ смягченными согласными: *н, д, с, р*, и потому получаетъ особое, мягкое произношеніе. Мы выражаемъ его, литерою: *е*, на

томъ, конечно, основаніи, что весьма-часто,—хотя далеко не всегда,— смягченная гласная: *о*, происходитъ, вслѣдствіе подъема, въ этотъ звукъ, гласной: *е*. Но, если-бы оно и всегда такъ было, то кчему намъ сохранять гласную: *е*, въ правописаніи этѣхъ словъ, при совершенно-измѣнившемся произношеніи ихъ? Ошибочность нашего способа писать, въ этомъ случаѣ, зависитъ единственно, отъ недостатка у насъ знака, для выраженія смягченія гласной: *о*. Очевидно, что говоря по-русски, надо и писать по-русски.

Но, если съ одной стороны, языкъ нашъ имѣетъ особенность, смягчать звукъ твердыхъ гласныхъ, то съ другой, мягкая гласная: *i*, слѣдуя, въ одномъ слогѣ, за согласной, имѣющей твердый акцентъ, принимаетъ отъ нея этотъ твердый акцентъ, звукъ твердаго: *i*. Слова: *безъ-именный, предъ-идущій, подъ-искивать*, мы произносимъ такъ: *безыменный, предыдущій, подыскивать*.

Замѣчанія этѣ указываютъ намъ, важную особенность русскаго языка, на которой считаемъ нелишнимъ, остановить вниманіе читателя: *а*) гласныя, въ нашей рѣчи, смягчаются *двоякимъ* образомъ: во-первыхъ, чрезъ приставку согласной: *јоты*, или такъ называемое, *јотированіе*: *якорь, есть, ѣхать, ручьи, подъемъ, пою*; во-вторыхъ, чрезъ *мягкій акцентъ*, или *удареніе*, (однѣ твердыя: *а, е, о, у*), когда слѣдуя, въ одномъ слогѣ, за мягкой согласной, онѣ принимаютъ ея мягкій акцентъ: *стрѣлять, велѣть, конецъ, конемъ, молю*. *b*) Гласная: *е*, слѣдуя, въ одномъ слогѣ, за согласной, всегда имѣетъ этотъ мягкій акцентъ; исключенія здѣсь весьма-рѣдки. Наконецъ, *с*) гласная: *i*, которую всегда произносимъ мягко, принимаетъ твердый акцентъ, отъ предшествующей, твердой согласной.

Коснувшись твердаго произношенія гласной: *i*, которое, въ нашемъ языкѣ, выражается буквою: *ы*, (*еры*), можетъ-быть,

не будетъ неумѣстнымъ, разсмотрѣть здѣсь, значеніе этой литеры, и потребность ея, для нашего алфавита.

Твердое произношеніе гласной: *i*, не составляетъ исключительной особенности, русской рѣчи. Оно весьма-замѣтно и въ другихъ языкахъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ и въ англійскомъ. Въ послѣднемъ, она, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда принимаетъ совершенно-чуждый ей звукъ, (*light*, *mite*), всегда произносится твердо; такъ англичане произносятъ ее, въ словахъ: *split*, *mistake*, *kill*, *pittance*, *fit*, твердо, и отлично отъ словъ: *peal*, *mean*, *spleen*, *feel*, *keen*, *eve* и всѣхъ другихъ, гдѣ для мягкаго, протяжнаго звука: *i*, они принимаютъ и другую ортографію, основываясь, въ этомъ случаѣ, на этимологическихъ законахъ языка. Въ нѣмецкомъ языкѣ, тоже различно произносятся слова: *Tisch*, *Wille*, *Rippe*, *nimmer*, *Mittel* и друг., и слова: *mir*, *niemand*, *wieder*, *Riese*, *Thier* и др. Звуки русскаго языка, какъ извѣстно, вообще болѣе рѣзки, чѣмъ звуки другихъ, европейскихъ языковъ, потому и различіе, между твердымъ и мягкимъ произношеніемъ гласной: *i*, у насъ, гораздо-болѣе выдается, чѣмъ тамъ. Мы говоримъ: *лить* и *плыть*, *ныть* и *нить*, *питать* и *пытать*, дѣлая, на слогахъ: *ли* и *плы*, *ны* и *ни*, *пы* и *пи*, различіе, несравненно-болѣе чувствительное, чѣмъ какое замѣтно, въ приведенныхъ примѣрахъ, западныхъ языковъ. Но въ томъ, и вся разница.

Отчего происходитъ, что, для выраженія этого рѣзкаго, твердаго акцента, гласной: *i*, мы употребляемъ совершенно-своеобразный знакъ? Оттого, безъ-сомнѣнія, что подобное произношеніе было чуждо древнему, греческому языку, и потому, не имѣло соотвѣтствующаго знака, и въ греческомъ алфавитѣ, послужившемъ, основаніемъ

славянскому. Впрочемъ, древнѣйшія, церковно-славянскія рукописи, безъ-сомнѣнія, сохранявшія съ точностью правила составителей славянскаго алфавита, представляютъ, въ правописаніи этой литеры, достойный примѣчанія, образецъ. Именно, въ нихъ, означенное произношеніе, передается соединенными литерами: *ъ* и *і*, или: *ъ* и *и*, наприм., въ словахъ: *плъіти*, *добръіи*, *слъіти*, или: *добръими*, и т. под., чѣмъ какъ-бы прямо указывается на то, что знакъ этотъ не долженъ выражать ничего инаго, какъ гласную: *і*, съ твердымъ акцентомъ, или съ предшествующей, твердой согласной. Съ теченіемъ времени, обычай этотъ измѣнился, и мы употребляемъ, нынѣ, для выраженія твердаго акцента, этой гласной, извѣстный всѣмъ знакъ, неимѣющій никакого смысла.

Нельзя сказать, чтобы эта неправильность, не имѣла никакого значенія, или не производила запутанности, при изученіи языка.

Во-первыхъ, литера эта составляетъ, у насъ, особую гласную. Какъ можно, однако, назвать такъ букву, которая не имѣетъ самостоятельнаго произношенія, т. е. вовсе не можетъ быть произнесена, безъ помощи согласной? Самое названіе ея: *еры*, достаточно указываетъ на то, что ея произношеніе, требуетъ пособія другихъ буквъ. Потомъ, ея происхожденіе и значеніе, возбуждаютъ многія ученыя догадки и предположенія, разбирать которыя здѣсь, едва-ли будетъ умѣстнымъ. Между-тѣмъ, какъ мы замѣтили, она никогда не могла имѣть другаго назначенія, какъ выражать твердое произношеніе, гласной: *і*. Это несомнѣнно доказываютъ, сверхъ тотчасъ упомянутаго правописанія, древнихъ, церковно-славянскихъ рукописей, и самаго названія ея, донынѣ сохранившагося, (*еры*, т. е. *еръ-і*), еще и современное, наше произношеніе,—напишемъ-ли: *предыдущій*, *безыменный*, *обыскивать*, или: *предъ-*

идущій, безъименный, объискивать, самый тонкій слухъ не сдѣлаетъ никакого различія, въ произношеніи буквъ: *ы,* и *ъи,* — а также, этимологическое употребленіе этой буквы. Мы ставимъ ее, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ падежахъ, при склоненіи именъ, существительныхъ и прилагательныхъ, но только тѣхъ, которыя, въ окончаніи своемъ, имѣютъ согласную, съ твердымъ удареніемъ, тогда какъ имена, кончащіяся на мягкую согласную, принимаютъ, въ тѣхъ-же падежахъ, гласную: *і.* Такъ мы пишемъ: *домъ, домы; мостъ, мосты; столъ, столы;* но: *конь, кони; день, дни; олень, олени; церковь, церкви; жена,* родительный: *жены;* но: *земля, земли; пуля, пули; добръ, добры,* и *синь, сини.* Очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ, это одно и тоже окончаніе, на: *і.* Все различіе здѣсь, въ твердомъ, или мягкомъ произношеніи этой гласной, которое зависитъ, отъ предшествующей твердой, или мягкой согласной. Наконецъ, нельзя не указать еще, на правописаніе нѣкоторыхъ, собственныхъ именъ, напримѣръ: *Мартынъ, Давыдъ* и др., въ коихъ литера: *ы,* у насъ, замѣняетъ гласную: *і,* подлинныхъ именъ: *Martinus, David* и др., или на греческое слово: *ψαλτήρ* которое часто пишемъ такъ: *псалтырь.*

Послѣ того, не должны-ли казаться весьма-странными, всѣ филологическія изысканія, о происхожденіи звука: *ы*? Есть-ли какая-нибудь возможность, разсуждать о томъ, откуда происходитъ твердое произношеніе буквъ? И не то-ли это самое, что спорить о происхожденіи самихъ, гласныхъ, или согласныхъ звуковъ? Пусть, въ такомъ случаѣ, недоумѣвающій скажетъ, откуда происходитъ мягкое: *і,* если происхожденіе твердаго, представляется столь сомнительнымъ. Каждый благомыслящій читатель, надѣемся, усмотритъ, что звукъ: *ы,* имѣетъ общій источникъ, съ: *а,*

я, б, п, д, т, и всѣми остальными, твердыми и мягкими звуками, нашего алфавита.

Если все это такъ, то нельзя не признать, что эта гласная: *ы,* есть знакъ, совершенно-лишній, и правильно можетъ быть замѣняема, знакомъ твердаго акцента, надъ гласной: *і.*

Твердое и мягкое произношеніе нашихъ гласныхъ, прямо приводитъ къ вопросу о томъ, что̀ такое въ нашемъ алфавитѣ, *твердый* и *мягкій знаки,* или буквы: *еръ,* (*ъ*) и *еръ,* (*ь*)?

Кто, съ недоумѣніемъ взглянувъ на этѣ литеры, полюбопытствуетъ, уяснить себѣ подлинное ихъ значеніе, тотъ изъ каждой грамматики узнаетъ, что это, такъ-называемыя, буквы *полугласныя.* Сознаемся, впрочемъ, что насъ такое объясненіе не удовлетворяетъ, какъ и многихъ другихъ. Понятно, что̀ такое гласная буква, — та, что̀ образуетъ самостоятельный и цѣльный звукъ, *vox,* — и что согласная, — *pars soni,* часть звука, — произносится, съ помощію гласной. Но этѣ полугласныя, ни однѣ, ни съ гласной, ни съ согласной, не могутъ быть произнесены, а требуютъ непремѣнно для того, по-крайней-мѣрѣ, пособія, одной гласной и одной согласной буквы. Нельзя сказать: *въ, вь, къ, ть* и т. под., — еще менѣе возможно, сказать: *аъ, оь, иъ, уь;* всѣ эти звуки можно произнесть, только связавъ ихъ, напримѣръ, такимъ образомъ: *авъ, овь, икъ, уть,* и т. д.

Странность эта объяснится, если прислушаемся внимательно, къ собственному своему произношенію этихъ звуковъ. Мы увидимъ ясно, что знаки эти ставимъ только, для обозначенія твердаго, или мягкаго выговора согласныхъ: *в, к, т.* И здѣсь опять ненайдемъ ничего такого, что̀бы составляло, исключительную особенность нашей рѣчи. Твердый и мягкій акцентъ согласныхъ, встрѣчаемъ и въ дру-

гихъ языкахъ. Такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ, слова: *gut*, *Frost*, *klug*, *Dach*, *Loch* и др., имѣютъ твердый акцентъ, на согласныхъ: *t*, *g*, *ch*, а слова: *Dolch*, *durch*, *lustig*, *ich*, имѣютъ мягкое произношеніе, окончательныхъ согласныхъ. Въ словѣ: *Thätigkeit*, согласная: *g*, произносится мягко, а согласная: *t*, въ концѣ слова, твердо. Во французскомъ языкѣ, иначе говорятъ: *ail*, *campagne*, и другія подобныя слова, и иначе: *elle*, *laine* и др.; въ словахъ: *ignorer*, *siège*, согласныя: *n* и *s*, произносятся совершенно-мягко. Но что, въ другихъ языкахъ, встрѣчаемъ въ видѣ исключенія и рѣдко, то у себя мы видимъ постоянно; и тогда, какъ тамъ, различіе не очень чувствительно, у насъ, оно рѣзко выдается. Разница, здѣсь, между русскимъ и другими, европейскими языками, заключается въ той рѣзкости звуковъ, которая вообще свойственна первому, и встрѣчается, не въ одномъ разсматриваемомъ случаѣ, какъ мы замѣтили. Но изъ этой рѣзкости звуковъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы для твердаго, или мягкаго произношенія согласныхъ, мы должны были употреблять, непремѣнно, особыя литеры. Это совершенно противорѣчитъ кореннымъ правиламъ правописанія, гдѣ каждая литера должна выражать, опредѣленный звукъ, а не акцентъ его. Для выраженія этихъ акцентовъ, современная ортографія имѣетъ, несравненно-болѣе простыя средства, именно, употребленіе надстрочныхъ знаковъ, называемыхъ удареніями, или акцентами, которые и намъ принять, ничто не можетъ препятствовать.

Но, говорятъ, въ древнемъ, славянскомъ языкѣ, разсматриваемыя литеры ставились, иногда, вмѣсто гласныхъ буквъ. Такъ, напримѣръ, писали: *сътвори*, *съхнути*, *сълнце*, *овьцъ*, *отьцъ* и многія, другія слова. Точно писали, но кто писалъ такъ, и когда? Въ то отдаленное время, когда возникавшій русскій народъ, едва имѣлъ зачатки самобытной

письменности, писали такъ люди, которые при всемъ желаніи, конечно, не имѣли возможности, пріобрѣсть основанія этимологическихъ знаній, и самые законы языка, не имѣли начала научной обработки. Спросимъ себя, какъ могутъ образцы ихъ, служить для насъ основаніемъ, къ непогрѣшительнымъ, этимологическимъ выводамъ? Они руководились слухомъ, въ своей ортографіи. И гдѣ слышали звукъ твердой, или мягкой гласной, часто ставили этѣ полугласныя: *ъ*, или *ь*, зная, что читать ихъ будутъ люди, столько знакомые, съ славянскимъ языкомъ, какъ и сами писавшіе, и потому не ошибутся въ произношеніи. Но и это встрѣчаемъ, только въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности. Позднѣе, въ тѣхъ же словахъ, гласныя вставлялись правильно, какъ и мы ихъ пишемъ нынѣ.

Случается встрѣчать такое мнѣніе: утверждаютъ, будто это особенность славянскаго языка, что слова, въ немъ, никогда не оканчиваются на согласныя буквы, а всегда на гласныя, или по-крайней-мѣрѣ, на полугласныя, и что эта особенность послужила, и въ русскомъ языкѣ, основаніемъ, для употребленія полугласныхъ: *ъ* и *ь*. Точно, то была-бы замѣчательная особенность. Къ-сожалѣнію, едва-ли найдется она, ели мы только внимательнѣе вдумаемся въ законы нашего языка, и вслушаемся въ собственное свое произношеніе. Но допустимъ, на время, что оно и такъ. Почему-жъ, въ такомъ случаѣ, предки наши писали, (какъ и мы нынѣ): *Христосъ*, *Омиръ*, *Климентъ*, съ полугласной: *ъ*, и: *Рахиль*, *Руѳь*, съ полугласной: *ь?* Почему мы пишемъ: *Росселль*, (Russell), *Мань*, (Magne), *Лилль* (Lille), *Бретань*, (Bretagne) и многія другія иностранныя имена, или: *Бонапартъ*, (Bonaparte), *Брайтъ*, (Bright), *Таллеранъ*, (Talleyrand), *Клеманъ*,(Clément), *Лондонъ*, (London), *Гуллъ*, (Hull), *Амстер-*

дамъ, (Amsterdam) и множество другихъ именъ и названій, и прибавляемъ къ нимъ, постоянно, въ одномъ случаѣ, полугласную: *ъ*, а въ другомъ, полугласную: *ь*, коихъ онѣ, въ своихъ языкахъ, никакъ немогутъ имѣть? Не ужели, облекшись въ славянскую одежду, слова этѣ получили и замѣчательную, нашу особенность, кончаться, по-крайней-мѣрѣ, на полугласныя буквы? Гораздо правильнѣе, кажется, и проще думать, что мы, передавая, своимъ алфавитомъ, этѣ слова иностранныхъ языковъ, стараемся уловить ихъ правильное произношеніе, и гдѣ слышимъ, нѣсколько твердую согласную, по-необходимости, ставимъ нашу литеру: *ъ*, гдѣ слышимъ согласную мягкую, ставимъ полугласную: *ь*, потому - что не имѣемъ, въ своемъ алфавитѣ, никакихъ другихъ средствъ, для означенія этихъ акцентовъ. Не такъ - ли поступаемъ мы, и съ ортографіей своего собственнаго языка?

Странно, что нѣкоторые ученые, до такой степени пристрастны, къ этимъ своеобразнымъ знакамъ, что для защиты ихъ, рѣшаются употреблять самые странные аргументы. Утверждаютъ, напримѣръ, что полугласная: *ь*, для правописанія нашего, неизбѣжно-необходима, потому-что она замѣняетъ часто, мягкія гласныя: *і* и *е*, т. е. этѣ послѣднія буквы ставились прежде, тамъ, гдѣ мы ставимъ знакъ: *ь*. Это нетвердое доказательство. Подобную замѣну встрѣчаемъ, не въ одномъ, старинномъ правописаніи. Мы говоримъ: *принести*, и говоримъ сокращенно: *принесть*. Зачѣмъ ставимъ мы, въ послѣднемъ случаѣ, букву: *ь?* Потому, выходитъ, что она замѣняетъ гласную: *и*, полнаго глагола.

Какого языка это законы? чьей ортографіи правила? Кто, гдѣ и когда видѣлъ, чтобы буква, исчезнувъ изъ произношенія и изъ ортографіи слова, оставляла, послѣ

себя, для памяти, что́-то странное,—не букву даже, а полу-букву, полу-знакъ?

Когда французы, въ глаголѣ: *est*, (латинская форма, глагола: *esse*), оставляютъ согласныя буквы, хотя и не произносятъ ихъ, то они пишутъ *этимологически*-правильно. Когда они, въ словѣ: *pâtre*, ставятъ надъ гласной: *a*, извѣстный свой, *accent circonflexe*, то они поступаютъ тоже совершенно-правильно. Но не потому, чтобы исчезнувшая здѣсь, въ ихъ ортографіи, согласная, обратилась въ этотъ надстрочный знакъ, и не потому также, чтобы она, исчезнувъ, оставила по себѣ память, въ видѣ акцента, а единственно потому, что гласная: *a*, вслѣдствіе исчезнувшей согласной, получила открытое, протяжное произношеніе, которое, въ правописаніи французскаго языка, означается такимъ акцентомъ, и не въ одномъ этомъ случаѣ. Что́ мы дѣлаемъ, съ своими полугласными?

Всмотримся ближе въ дѣло. Въ словѣ: *принести*, согласная: *т*, есть мягкая согласная. Означать здѣсь мягкій ея акцентъ, нѣтъ необходимости, потому-что она связана, съ мягкой гласной: *и*. Когда, по требованію эвфоніи нашего языка, мы говоримъ сокращенно: *принесть*, то согласная: *т*, остается той-же мягкой согласной, какъ была, въ полномъ глаголѣ: *принести*. Вотъ и все. И пусть повѣрятъ, что гласная: *и*, исчезнувъ изъ нашего правописанія, не оставила здѣсь, не только половины, но ни малѣйшей части, своего гласнаго звука. Дѣло въ томъ, что для означенія мягкаго произношенія, этой осиротѣвшей согласной, мы необходимо должны поставить что́-либо. Но что́ именно? эту непонятную литеру, или короткій и ясный, надстрочный знакъ?

Говорятъ, въ прежнее время, т. е. въ древнемъ, славянскомъ языкѣ, полугласныя буквы этѣ имѣли *гласный* звукъ. Сказать это легко; но мало того. Надо до-

казать, въ чемъ заключался этотъ звукъ, т. е. какой, именно онъ могъ быть, и кромѣ-того надо доказать, что онъ дѣйствительно существовалъ. Но этого никто еще не сдѣлалъ, и не могъ сдѣлать. А изъ одного употребленія ихъ, въ старинномъ правописаніи, нельзя вывесть никакого, убѣдительнаго заключенія. И мы, къ-сожалѣнію, употребляемъ донынѣ, этѣ ничего незначащія, литеры, но что́ мы тѣмъ доказываемъ? Надо намъ, совсѣмъ забыть наши полугласныя буквы.

Но вотъ еще убѣдительное доказательство того, что разсматриваемыя литеры не могли никогда имѣть, никакого гласнаго звука. Это самыя названія ихъ, въ славянской азбукѣ, сохранившіяся до нашего времени. Взглянувъ на эту азбуку, мы, безъ труда, замѣтимъ, что литеры въ ней, имѣютъ двоякаго рода наименованія. Онѣ называются, или какимъ-нибудь, произвольнымъ именемъ, въ которомъ первый звукъ соотвѣтствуетъ звуку, означаемому письменнымъ знакомъ, (*азъ*, *буки*), или вовсе не имѣютъ, никакого названія, (*я*, *ю* и др.). Но почему для этѣхъ двухъ литеръ, сдѣлано исключеніе? Почему, онѣ однѣ имѣютъ этѣ странныя названія? Что́ значитъ названіе: *еръ*? Очевидно, что оно не можетъ означать ничего инаго, какъ только твердый акцентъ, согласной буквы: *р*. Что́ значитъ названіе: *ерь?* Конечно, мягкій акцентъ, той-же согласной. Знаки, которые мы называемъ: *еры*, (*ы*) и *ять*, (*ѣ*), въ древней азбукѣ, не могли составлять особыхъ *литеръ:* они правильнѣе должны быть отнесены къ ортографіи языка, чѣмъ къ его алфавиту, что́, надѣемся, подтвердится, при разсмотрѣніи послѣдняго изъ нихъ.

Слѣдуетъ признать за несомнѣнное, что такъ называемыя, полугласныя наши: *ъ* и *ь*, никогда не могли означать ничего инаго, какъ твердый, или мягкій акцентъ, со-

гласныхъ буквъ, и съ этой цѣлью единственно, были введены, въ славянскій алфавитъ, его составителями.

Можетъ-быть, не будетъ неумѣстнымъ, указать здѣсь на нѣкоторыя неудобства, происходящія, отъ напрасно удерживаемаго, въ русскомъ правописаніи, употребленія этѣхъ полугласныхъ буквъ.

При исчисленіи нашихъ предлоговъ, всегда встрѣчаемъ слѣдующіе три: *въ, къ, съ.*

Предлогъ, стоящій отдѣльно, конечно составляетъ отдѣльное, самостоятельное слово, слѣдовательно такое, которое можетъ самостоятельно быть произносимо. Любопытно, однако, чтобы кто-нибудь разъяснилъ, какъ могутъ быть произнесены, приведенныя три слова, безъ связи, съ слѣдующимъ. Чтó это означаетъ? Это, скажутъ, особенность русскаго языка. Какъ, неужели языкъ нашъ имѣетъ особенность, заключать въ себѣ слова, состоящія изъ одной согласной буквы? Потому-что все равно, рѣшительно, что написать: *въ, къ*, что одно: *в, к.* Это было-бы, по меньшей мѣрѣ, странно. Едва-ли, впрочемъ, нашъ языкъ повиненъ въ этой странности. Полные предлоги эти суть: *во, ко, со*, и они свободно могутъ быть произнесены, и состоя изъ двухъ буквъ, одной, согласной и одной, гласной, составляютъ отдѣльный слогъ, а потому и цѣлое слово, и безъ стыда, могутъ принадлежать каждому языку. Такъ, мы пишемъ и произносимъ раздѣльно: *ко двору, во всемъ, со мной,* употребляя, здѣсь, полные предлоги. Но почему мы говоримъ слитно: *къ нему, въ Москвѣ, съ людьми?* Потому, очевидно, что сокращаемъ здѣсь эти предлоги, опускаемъ гласную: *о*, по требованію эвфоніи или благозвучія нашего языка, а не наоборотъ, не вставляемъ гласную, вмѣсто полугласной: *ъ*, какъ думаютъ многіе, весьма ошибочно. Это есть, такъ называемая, *элизія* гласной, весьма знакомая и другимъ языкамъ, и ни-

сколько не составляющая, исключительной особенности русской рѣчи. Такъ, французы говорятъ: *l'homme, l'âme, d'avance* и т. под., опуская, въ членахъ: *le, la* и въ предлогѣ: *de*, гласныя: *e, a*, и покоряясь въ этомъ случаѣ, требованіямъ благозвучія своего языка. Какъ-же должно писать намъ, для того чтобъ означать эту элизію гласной: *о*? Употреблять, принятый французами, надстрочный знакъ, (*apostrophe*), намъ нѣтъ возможности, потому-что кто подумаетъ, вводить лишній знакъ, въ ортографію языка, ради трехъ словъ? Писать одну согласную, также странно, какъ и писать ее, въ связи, съ такъ называемой, полугласной. Остается, писать эти предлоги такъ, какъ мы ихъ, здѣсь, произносимъ, т. е. слитно, съ слѣдующимъ словомъ, какъ пишемъ: *вводъ, вверху, сумѣть, снимать*, и всѣ другія, сложныя съ предлогами слова. Въ такомъ случаѣ, мы станемъ писать: *кнему, Вмосквѣ, слюдьми*. Но это странно, скажетъ кто-нибудь. Странно, по нашему мнѣнію, утверждать, что могутъ быть слова, не имѣющія въ себѣ гласнаго звука, слѣдовательно такія, которыя не могутъ быть признаваемы, за отдѣльные слоги, и вовсе не могутъ быть произнесены.

Впрочемъ, найдется самый простой способъ, чтобы избѣжать, и въ этомъ случаѣ, всякой неясности, или двусмысленности. Стоитъ, ставить знакъ твердаго ударенія, надъ предлогомъ, слитымъ съ слѣдующимъ словомъ, для того чтобы, съ совершенной ясностью, указать, что они составляютъ, не одно, нераздѣльное слово, а два слова, связанныя, по требованію благозвучія языка.

Здѣсь, невольно приходитъ на память, происходившій когда-то, весьма странный споръ, о томъ, какъ должно писать собственныя имена, означающія *отчество* лица, съ полугласной: *ъ*, или *ь*. Говоримъ, весьма-стран-

ный споръ, потому-что не странно-ли, что спорившіе, бывъ убѣждены, что спорятъ о правописаніи словъ, въ сущности, препирались объ ихъ произношеніи?

Въ Русской Грамматикѣ, *А. Х. Востокова*, § 172, упоминается о буквахъ *безгласныхъ*. Какъ ни можетъ показаться необычнымъ, это названіе, но оно, дѣйствительно, существуетъ, и имъ означаются тѣ-же полугласныя: *ъ* и *ь*, когда, какъ сказано, онѣ «дѣлаются безгласными, или неслыш«ными, слѣдуя за: *ж, ч, ш, щ,* ибо слова, сими соглас«ными оканчивающіяся, имѣя за оными: *ъ* и *ь*, одинаково «произносятся; напримѣръ: *плачъ*, (существит.) и *плачь*, «(повелит. наклон.), *камышъ* и *мышь*, *лещъ* и *вещь*, *рожъ* «и *рожь*».

Здѣсь, особенность нашего выговора, почтеннымъ филологомъ, подмѣчена весьма-вѣрно, но замѣчаніе его не привело, ни къ какому полезному результату. Потому-что, если приведенныя буквы, точно не имѣютъ никакого звука, и нѣтъ, ни этимологическаго, ни разумнаго основанія, къ ихъ употребленію, въ тѣхъ или другихъ словахъ, то кчему, не только ихъ писать, кчему было еще придумывать для нихъ особое названіе, и представлять образцы тому, въ какихъ именно случаяхъ, та или другая, безгласная буква должна быть употребляема?

Дѣло въ томъ, что этѣ, такъ называемыя, шипящія согласныя, по особенному свойству нашего говора, никогда не имѣютъ, ни столь твердаго акцента, какъ прочія согласныя, (напримѣръ въ словахъ: *лобъ*, *пѣтъ*, *даръ*, *столъ*, *онъ*), ни столь мягкаго, какъ тѣ-же согласныя, въ другихъ словахъ, (напримѣръ: *дробь*, *пѣть*, *столь*, *конь*, *корь*). Потому-то онѣ не терпятъ, послѣ себя, совершенно-мягкихъ гласныхъ. Говоримъ, что это особенность нашего выговора, и вполнѣ-вѣрно, потому-что въ другихъ языкахъ, тѣ-же согласныя произносятся безъ

этого оттѣнка. Такъ, англичане, въ словахъ: *sheet*, *chief*, *geeze*, — французы, въ словахъ: *chicaner*, *jurer*, *Gironde*, *chut*, — нѣмцы, въ словахъ: *schiessen*, *ziehen*, *schön*, *schütteln* и др., произносятъ гласные звуки, слѣдующіе за шипящими согласными, и сами согласныя этѣ, совершенно-мягко.

Кажется, что положа руку на-сердце, можно-бы предоставить эту тонкость произношенія, на совѣсть читающихъ, и не сопровождать наши шипящія согласныя, никакимъ знакомъ; какъ пишутъ всѣ, слова: *точка*, *ложка*, *плошка*, уменьшительныя: *ручка*, *рѣчка*, *ножка* и множество другихъ, безъ полугласныхъ буквъ, и никто не ошибается, въ ихъ произношеніи.

Не станемъ говорить болѣе. Продолжать споръ, значило-бы доказывать, что бѣлый цвѣтъ есть бѣлый, а не другой. Тому, кто самъ не видитъ, трудно это объяснить. Каждый безпристрастный читатель, надѣемся, убѣдится изъ сказаннаго, что полугласныя: *ъ* и *ь*, употребляются нами, единственно, для означенія ударенія, или акцента, согласныхъ, и никогда неимѣли другаго назначенія, и что потому, весьма правильно будетъ, исключить ихъ изъ нашего алфавита, и въ необходимыхъ случаяхъ, замѣнять надстрочными знаками. О самихъ знакахъ, какіе могутъ быть приняты нами, и объ употребленіи ихъ, въ правописаніи, скажемъ ниже.

Вотъ еще *пять* литеръ, которыя безъ всякой необходимости, обременяютъ нашу печать. Это гласныя: *ѣ*, *і*, *э*, согласная: *ѳ*, и полугласная: *й*. Разсмотримъ, по-возможности кратко, значеніе и употребленіе, каждой изъ нихъ.

Что такое буква: *ѣ*?

Не станемъ доказывать того, что звукъ, выражаемый у насъ этой литерой, ничѣмъ не отличается, отъ звука, выражаемаго

гласной: *есть.* Такимъ-образомъ мы имѣемъ два знака, одинъ изъ нихъ, ктому, весьма-неизящной формы, для одного и того-же, гласнаго звука. Не станемъ доказывать этого, потому-что это предметъ, для всѣхъ очевидный, и никѣмъ не оспаривается. Одинъ изъ этихъ знаковъ, слѣдовательно, лишній.

Для чего удерживаемъ мы, такъ бережно, эту литеру: *ять?* Можно-бы подумать, что есть къ тому, достойный вниманія, этимологическій поводъ. Но нѣтъ и того. Каждый, кто вникалъ въ этотъ предметъ, твердо знаетъ, что учеными нашими филологами, не открыто никакого основанія, которое служило-бы правиломъ, для употребленія этой буквы, въ русскомъ правописаніи. Въ этомъ случаѣ, каждый руководится, единственно, навыкомъ, и всѣ изслѣдованія, здѣсь, имѣли результатомъ только то, что изслѣдователь представлялъ списокъ словъ, гдѣ букву эту, обычаемъ принято писать. Единственное, сколько-нибудь твердое основаніе, кѣмъ-то, помнится, предложенное, для руководства пишущихъ, состояло въ томъ, что литера: *ѣ,* должна употребляться, въ тѣхъ русскихъ словахъ, гдѣ этотъ звукъ, при велико-русскомъ произношеніи, съ гласной: *е,* произносится, въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ мягкое: *і.* Но неужели, всѣ пишущіе по-русски, обязаны знать малорусское нарѣчіе? И можно-ли назвать подобное замѣчаніе, грамматическимъ правиломъ?

И такъ этимологическаго основанія, къ употребленію, въ русскомъ правописаніи, разсматриваемой литеры, нѣтъ. Но если-бы оно и нашлось, то правильно-ли поступаемъ мы, удерживая, въ своемъ алфавитѣ, лишній и некрасивый знакъ, для выраженія звука, который, или давно исчезъ, изъ говора образованнаго общества, или можетъ-быть, какъ тотчасъ увидимъ, обозначается, совсѣмъ инымъ знакомъ?

Многіе думаютъ, что литера: *ять*, введена была первоначально, въ нашъ алфавитъ, для выраженія звука долгаго: *е*, сходно съ греческой: *ἦτα*. Но едва-ли найдется достаточное основаніе, къ такому предположенію. Во-первыхъ, надо доказать, что славянскій языкъ зналъ количественное различіе гласныхъ. Кѣмъ это было сдѣлано? Количественное отношеніе слоговъ свойственно древнимъ языкамъ, но совершенно-чуждо, новымъ. И притомъ, кто не знаетъ, что весьма многія слова, въ тѣхъ языкахъ, имѣютъ болѣе одного долгаго слога, и что слогоудареніе, въ нихъ, далеко не всегда согласуется съ долготою гласныхъ, но акцентуются часто и гласныя короткія? Послѣднее, убѣдительнѣе всего доказывается, греческимъ языкомъ, ортографія коего, къ счастію, сохранила древнюю аксентуацію словъ. Но обращаясь, собственно къ славянскому языку, надо доказать, что онъ имѣлъ долгія гласныя, и потомъ, что гласная: *ять*, именно образовалась, изъ двойнаго звука: *е*. Одно, сомнительное слово, неможетъ привесть ни къ какому убѣжденію. Ибо почему, слово: *нѣсмь*, образовалось изъ: *не* и *есмь*, а не изъ: *ни* и *есмь*, когда извѣстно, что полное отрицаніе, въ славянскомъ языкѣ, выражалось словомъ: *ни*, да и самое слово: *іесмь*, (какъ и писали въ церковно-славянскомъ языкѣ), очевидно имѣетъ въ себѣ, *гласный* звукъ, *і*: *εἰμί*. Славянскія формы: *есмь*, *еси*, *есмы*, *есте*, суть греческія формы, глагола: *εἶναι*, и потому не перешли, и никогда не могутъ перейти, въ русскій языкъ.

Но хотя, какъ видно, значеніе, какое разсматриваемая литера имѣла, въ славянскомъ алфавитѣ, давно утратилось, едва-ли правильно будетъ заключить, чтобы не было вовсе возможности его доискаться.

Кажется, надо будетъ признать, что знакъ этотъ внесенъ въ древнюю азбуку, для обозначенія, одного изъ звукоизмѣненій,

гласной: *i*. По свойству древне-славянскаго, а также и русскаго языка, эта послѣдняя гласная можетъ имѣть *четыре*, различныя произношенія: *a*) съ предзвукомъ: *јоты*, напримѣръ, въ словахъ: *ручьи, соловьи* и др., *b*) совершенно-твердое, въ словахъ: *быть*, *плыть* и др., *c*) нѣсколько - менѣе твердое, какое доселѣ сохранилось, въ русскомъ языкѣ, вслѣдъ за шипящими согласными, что́, какъ мы имѣли случай замѣтить, составляетъ особенность нашего выговора. Такъ въ словахъ: *жить, скажи, шить, щитъ, молчитъ, считать* и подобныхъ, мы произносимъ эту гласную, тверже, чѣмъ въ словахъ: *лить*, *нить*, *носить*, и другихъ, и сходно съ нѣмецкимъ произношеніемъ, словъ: *Fisch*, *Tisch*, или англійскимъ: *split*, *knit* и другихъ. Наконецъ, *d*) гласная: *i*, произносится совершенно-мягко, и произношеніе это, въ велико-русскомъ говорѣ, ей рѣшительно усвоено, въ противность южно-русскому, гдѣ въ большей части словъ, она имѣетъ нѣсколько-твердое произношеніе.

Можно думать, что буква: *ять*, введена въ алфавитъ славянскаго языка, для выраженія именно послѣдняго, самаго мягкаго, акцента гласной: *i*. Въ доказательство такого мнѣнія, можно привесть слѣдующее: 1) мѣсто, какое литера эта занимаетъ, въ славянской азбукѣ. За такъ-называемымъ, твердымъ знакомъ, или буквою: *еръ*, слѣдуетъ: *еры*, или твердое: *i*; слѣдующая затѣмъ литера: *ерь*, т. е. мягкій знакъ, имѣетъ за собой, разсматриваемую букву: *ять*, т. е. мягкое: *i*. 2) Очертаніе этой литеры. Если всмотрѣться внимательно въ то очертаніе, какое она имѣла въ древней, славянской азбукѣ, и сохранила, въ нашемъ печатномъ шрифтѣ, то нельзя не убѣдиться, что она состоитъ изъ той-же буквы: *ь*, съ надстрочно-написанной, греческой: *iотой*. Двѣ кисточки здѣсь, очевидно, добавлены, въ видѣ украшенія,

какъ и въ литерѣ: *добро*. Что-касается знака, употребляемаго нами, для этой буквы, въ рукописи и въ курсивномъ шрифтѣ, то никто, конечно, не станетъ возражать тому, что онъ ничто иное, какъ всѣмъ извѣстный знакъ, употреблявшійся въ церковно-славянской азбукѣ, для выраженія звука, *jотированной* литеры: *есть*, перешедшій въ рукописный почеркъ, и здѣсь очевидно нѣсколько, но весьма-мало, измѣнившійся. 3) Самое названіе этой литеры, въ древней, славянской азбукѣ, сохранившееся до нашихъ дней: *ять*, безъ-сомнѣнія, есть сокращенное произношеніе, весьма-часто слышимое, въ нашей рѣчи, вмѣсто полнаго: *яти*, гдѣ звукъ, выражаемый письменнымъ знакомъ, кроется въ послѣдней гласной, въ слогѣ: *ти*, слѣдовательно, означаетъ мягкое: *і*, (какъ названіе: *еры*, означаетъ твердое: *і*). 4) Собственное наше правописаніе, нѣкоторыхъ словъ. Напримѣръ, мы пишемъ, въ единственномъ числѣ: *дитя*, во множественномъ: *дѣти*; но въ древне-славянскомъ языкѣ, слово это, и въ единственномъ числѣ, писалось всегда чрезъ букву, *ять*: *дѣтя*. Не очевидно-ли, что мы для единственнаго числа, сохранили древнее произношеніе, и правильно измѣнили ортографію, сходно съ современнымъ выговоромъ буквъ, а во множественномъ, при измѣнившемся произношеніи, сохранили бережно древнее правописаніе? 5) Этимологическое употребленіе этой буквы. Предложные падежи, именъ существительныхъ, въ единственномъ числѣ, имѣютъ неизмѣнно, два окончанія, на: *ѣ*, и на: *и*. Кто не замѣтитъ, что въ такомъ случаѣ, оба этѣ окончанія заключаютъ въ себѣ родственные звуки, какими должны быть, очевидно, болѣе или менѣе мягкіе акценты, одной и той-же гласной: *і*? 6) Древнее правописаніе нѣкоторыхъ греческихъ именъ, сохранившееся до нашего времени, какъ напримѣръ: *Алексѣй*, *Сергѣй* и другихъ, гдѣ наша гласная: *ѣ*, замѣняетъ

греческую: *іоту*, подлинныхъ именъ: Ἀλέξιος и т. д. Наконецъ, 7) сохранившееся въ малорусскомъ нарѣчіи произношеніе этой буквы, которое, весьма-отчетливо и ясно сохранило въ ней, древній, свойственный ей звукъ, мягкаго: *і*.

Если-бы намъ дозволено было, высказать здѣсь предположеніе, то мы замѣтили-бы, что безъ-сомнѣнія, мы нѣсколько переиначили старинныя названія, послѣднихъ литеръ нашего алфавита. Весьма вѣроятно, что въ древности, названія этѣ слѣдовали въ такомъ порядкѣ: *еръ*, (ъ), *еры*, (ы), *ять*, (ь), *яти*, (ѣ) и т. д. Но охотно сознаемся, что доказать это, нѣтъ возможности.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, никто, надѣемся, не возразитъ тому, что литера: *ять*, ничѣмъ не отличающаяся въ произношеніи, отъ гласной: *есть*, и потому, не имѣющая никакого значенія, при нынѣшнемъ нашемъ правописаніи и выговорѣ, совершенно напрасно тяготитъ нашу ортографическую совѣсть.

Обратимся къ славянскому: *Иже*. Оно есть греческая: Ἦτα, какъ мы имѣли случай замѣтить, въ самомъ началѣ этого разбора. И въ правописаніи, и въ произношеніи, буква эта ничѣмъ не разнится, отъ нашего: *і*, (такъ называемаго, *десятеричнаго*). Имѣя, въ греческомъ алфавитѣ, ясное и опредѣленное назначеніе, выражать долгій звукъ, гласной: *е*, (или: *і*,—это въ настоящемъ случаѣ безразлично), знакъ этотъ не имѣетъ никакого смысла, въ русскомъ языкѣ, который, какъ всѣмъ извѣстно, вовсе не знаетъ количественнаго различія гласныхъ. Для чего мы охраняемъ, такъ бережно, это восьмеричное: *и*? Пусть объяснитъ, кто можетъ.

Но хотя гласная: *иже*, и не имѣетъ никакого основательнаго повода, пестрить нашу печать, нельзя однако сказать, чтобы она вовсе не употреблялась. Напротивъ, мы весьма часто ее пишемъ, чаще даже, чѣмъ

бы можно ожидать. А именно, на основаніи правила, утвердившагося, впрочемъ, въ новѣйшей только письменности, гласную: *і*, принято писать только предъ гласными, или предъ такъ называемой, полугласной: *й*, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ, употреблять: *и*, (*восьмеричное*). Это замысловатое правило. И если смотрѣть на дѣло, съ политико-экономической точки зрѣнія, въ немъ можно замѣтить остроумное примѣненіе соціальныхъ законовъ. И точно, почему одна литера печатнаго станка, должна работать, а другая, праздно лежать, въ томъ-же печатномъ станкѣ?

Но въ правописаніи, подобное правило окажется не совсѣмъ пригоднымъ. Во-первыхъ, каждый пишущій имѣетъ полное право, спросить: на какомъ, разумномъ основаніи, оно строится? Потомъ, вотъ и практическое неудобство. Слово: *Христосъ*, есть греческое, безъ всякаго измѣненія, перешедшее въ нашъ языкъ. На основаніи приведеннаго правила, его должно писать, съ гласной: *иже*, какъ оно у насъ и пишется, въ большей части случаевъ. Но тотъ попалъ-бы въ просакъ, кто желая узнать значеніе его, и руководствуясь нашей, нынѣшней ортографіей, (въ славянскомъ языкѣ, оно пишется съ гласной: *і*), сталъ-бы справляться, съ греческимъ словомъ: *Χρηστός*. Ибо это послѣднее, имѣющее корнемъ глаголъ: *χράομαι*, совсѣмъ имѣетъ иное значеніе, чѣмъ слово: *Χριστός*, происходящее отъ: *χρίω*.

Но это еще не все. Слово: *міръ*, и въ древнемъ, славянскомъ, и въ русскомъ языкѣ, имѣетъ двоякое значеніе: вселенной и тишины. Казалось-бы, проще всего было, на томъ и остановиться, и предоставить на совѣсть пишущихъ, употреблять здѣсь, тотъ или другой знакъ, выражающій гласный звукъ, мягкаго: *і*, если ихъ непремѣнно должно быть два. Нѣтъ, не умѣемъ сказать, кто именно, —

4*

вѣрно только, что грамотей,—придумалъ такое правило, и оно всѣми признано за неопровержимое, что для втораго, значенія этого слова, должно употреблять греческую: *ἦτα*, а для перваго, гласную: *іота*. Можно подумать, что мы имѣемъ два слова, которые, подобно тотчасъ приведеннымъ, греческимъ, имѣютъ совершенно-сходное произношеніе, и совсѣмъ различные корни. Нисколько. Всѣмъ извѣстно, что: *миръ* и *міръ*, составляютъ одно и тоже слово, и притомъ, не производное, а коренное. Въ такомъ случаѣ, спросимъ себя: можно-ли было, не смѣясь, установить подобное правило? Можно-ли, не шутя, ему слѣдовать? Потому-что, кто не согласится съ тѣмъ, что ортографическія правила должны вытекать изъ законовъ языка, а не могутъ основываться на произволѣ ихъ составителей? На какомъ законѣ языка, основано это правило, о правописаніи слова: *міръ*? Любопытно чтобы кто-нибудь разъяснилъ. И почему гласныя: *и*, *і*, должны употребляться здѣсь, именно въ такомъ порядкѣ, а не въ обратномъ? Это загадка.

Случается впрочемъ слышать, что надо было принять, то или другое, опредѣленное правило, для употребленія гласной: *і*, въ приведенномъ случаѣ, для удобства питателей, чтобы они, встрѣчаясь съ словомъ: *міръ*, въ чечати, не ошибались, о чемъ именно идетъ рѣчь, о вселенной, или о союзѣ. Нельзя лучше, но надо указать читателей, которые нуждаются въ подобномъ руководствѣ.

Что́-касается, такъ называемой у насъ, полугласной: *и, съ краткой*, (*й*), то значеніе ея очевидно, и потому, едва-ли стоитъ много о ней говорить. Впрочемъ, мы будемъ имѣть случай, взглянуть на эту литеру. Замѣтимъ здѣсь только, что она для насъ весьма-полезна, но единственно, по неимѣнію, въ нашемъ алфавитѣ, совершенно-необходимаго для него знака, согласной: *јоты*. Со вве-

деніемъ послѣдней въ нашу печать, и съ уничтоженіемъ гласной: *иже*, полугласная: *и, съ краткой,* сама-собой должна исчезнуть изъ употребленія.

Остается сказать нѣсколько словъ, о литерахъ: *ѳита* и *э, (оборотномъ).*

Первая изъ нихъ, есть греческая: *θῆτα*, которая, въ греческомъ языкѣ, имѣетъ совершенно-особое произношеніе, и безпрестанно употребляется въ правописаніи. Тотъ не спроситъ, для чего она внесена въ нашъ алфавитъ, кто вспомнитъ, что алфавитъ этотъ составлялся, просвѣщенными греками, гордыми своей образованностью, для дикихъ, славянскихъ племенъ. Но каждый имѣетъ полное право спросить, для чего мы бережемъ, такъ охранно, этотъ письменный знакъ, когда многолѣтнимъ опытомъ доказано, что онъ въ нашемъ, вполнѣ образовавшемся языкѣ, не нашелъ, и не могъ никогда найти, никакого примѣненія. Произношеніе этой литеры, у насъ, какъ всѣмъ извѣстно, ничѣмъ не разнится, отъ согласной: *ф*, и употребляется она нами, единственно, въ весьма-немногихъ, собственныхъ именахъ, перешедшихъ въ нашъ языкъ, изъ греческаго. Ограничимся этой замѣткой, вполнѣ убѣжденные, что каждый безпристрастный читатель согласится съ тѣмъ, что литеру: *ѳита*, знакъ для насъ совершенно-чуждый и лишній, давно слѣдовало-бы исключить, изъ русскаго алфавита.

Что̀ сказать объ: *э, (оборотномъ)?* Неужели стоитъ утверждать, что каждую литеру можно, пожалуй, вывернуть наизнанку? Но кто найдетъ въ томъ, что̀-либо полезное, кто рѣшится сказать, что подобные знаки украшаютъ нашу печать? Этотъ письменный знакъ означаетъ ничто иное, какъ твердый акцентъ, гласной: *е*, которая у насъ, какъ мы замѣтили, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, произносится совершенно-мягко. Если мы заимствуемъ изъ западной печати, согласную: *joту*, и совершенно для

насъ необходимые, надстрочные знаки, то не встрѣтимъ конечно, никакой надобности, въ подобномъ извращеніи нашихъ литеръ.

Есть, въ нашемъ алфавитѣ, литера, которая стоитъ въ самомъ его концѣ, и не знаемъ, на какомъ основаніи, нами совершенно забыта. Между-тѣмъ она, для нашей печати, неизбѣжно-необходима. Говоримъ, о славянской: *ѵжицъ*, (правильнѣе: *ижеце*, малое: *иже*). Это, греческая литера: *ὖ ψιλόν*. Она, въ греческомъ языкѣ, во-первыхъ, имѣетъ двоякое значеніе, гласной: *і*, и согласной: *в*, и во-вторыхъ, въ соединеніи съ: *ὄ μικρόν*, образуетъ дифтонгу: *οὖ*. Литера эта, съ самаго древняго времени, перешла въ латинскій алфавитъ (*v*), и тамъ имѣла двоякое произношеніе, гласной: *у*, и согласной: *в*. Сравнительно, въ позднѣйшее время, этой литерѣ, для обозначенія ея двоякаго выговора, даны два, нѣсколько-отличныя, одно отъ другаго, очертанія, (*u* и *v*,), которыя сохраняются, и въ нынѣшней латинской печати. Гораздо-ранѣе, но во время полнаго развитія древней, римской литературы, строчное очертаніе этой греческой литеры, вновь принято было въ латинскую ортографію, и составило особый, письменный знакъ, который употреблялся, для нѣкоторыхъ греческихъ словъ и именъ, перешедшихъ въ этотъ языкъ. Она нынѣ совершенно усвоена, какъ латинской печатью, такъ и ортографіей современныхъ, западныхъ языковъ. Это латинская: *y*, французская: *i grec*, англійская: *ouaï*, нѣмецкая: *ypsilon*. Такимъ-образомъ одна, разсматриваемая, греческая литера служитъ, въ нынѣшнемъ западномъ алфавитѣ, основаніемъ трехъ, письменныхъ знаковъ.

Въ русской печати, изъ той-же греческой литеры, образовались два знака, гласныя: *у* и *ѵжица*. Собственно, этотъ послѣдній знакъ, составителями нашего алфавита, былъ перенесенъ въ него, изъ греческаго, безъ всякой

перемѣны. Литера: *у*, вошла въ употребленіе мало-по-малу, вмѣсто дифтонги: *оу*, которая, составителями славянскаго алфавита, была удержана, долгое время употреблялась въ славянской письменности, и донынѣ иногда въ ней встрѣчается. Но, по несвойству славянскому языку, этѣхъ двойныхъ гласныхъ, она со временемъ, почти вышла изъ употребленія, и литера: *у*, т. е. строчное очертаніе греческой *ὒ ψιλὸν*, служитъ у насъ нынѣ, для выраженія той твердой гласной, которую въ греческомъ языкѣ, писали и пишутъ чрезъ дифтонгу: *οὒ*.

Намъ казалось необходимымъ, сдѣлать эту замѣтку, чтобы уяснить, что славянская: *ижица*, сохраняющая, подобно своему первообразу, двоякое произношеніе гласной: *і* и согласной: *в*, есть одна и та-же литера, съ греческой *ὒ ψιλὸν* и латинской: *v*. Это для насъ весьма-важно, потому-что, если мы удержимъ за ней, единственно, значеніе согласной буквы, къ чему, какъ видно, имѣемъ достаточное основаніе, то безъ труда избавимъ себя, отъ лишняго знака, коимъ выражаемъ нынѣ, звукъ согласной: *б*, о чемъ ниже скажемъ подробнѣе.

Сколько лишнихъ знаковъ, указалъ намъ этотъ, по-возможности, краткій разборъ нашего алфавита. Дѣйствительно, ничей алфавитъ не обладаетъ такимъ богатствомъ, въ этомъ отношеніи, какъ алфавитъ русскій. У насъ двѣнадцать гласныхъ буквъ. Двѣнадцать гласныхъ,—это легко сказать! Казалось-бы, что при такомъ обиліи письменныхъ знаковъ, намъ надо было, со всей отчетливостью и безъ всякаго затрудненія, выражать на письмѣ, всѣ разнообразные звуки нашего языка. Но выходитъ не такъ. Есть, въ нашей рѣчи, такіе звуки, которые мы вовсе не имѣемъ возможности написать, и пишемъ неправильно, произнося условно, литеры, имѣющія совсѣмъ иное значеніе.

Сюда принадлежитъ, прежде всего, такъ называемое, гус-

тое придыханіе, выражаемое, въ латинскомъ алфавитѣ, литерою: *h*, а въ греческомъ, надстрочнымъ знакомъ, (῾). Въ церковно-славянскомъ языкѣ, и въ нѣкоторыхъ, нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ, (напримѣръ, въ малорусскомъ), звукъ этотъ слышится безпрестанно. Собственно, въ велико-русскомъ нарѣчіи, и въ современномъ языкѣ образованнаго класса, онъ почти совершенно исчезъ, откуда, однако, не слѣдуетъ, какъ мы тотчасъ увидимъ, чтобы не было необходимости, въ особомъ знакѣ, для его выраженія. Какъ выражаемъ мы этотъ звукъ? Буквою: *г*. Стоитъ взглянуть на очертаніе этой литеры, чтобы убѣдиться въ неправильности ея употребленія, въ этомъ случаѣ. Литера эта есть греческая: *гамма*, и въ греческомъ языкѣ, никогда не употреблялась, и не могла употребляться, для выраженія густаго придыханія. Едва-ли возможно объяснить нынѣ, почему, первые составители нашего алфавита, внесшіе въ него, столько лишнихъ знаковъ, для выраженія собственно-славянскихъ звуковъ, оставили безъ вниманія этотъ недостатокъ. Можетъ-быть, что по различію славянскихъ нарѣчій, звукъ этотъ произносился различно, можетъ-быть, имъ казался достаточнымъ, греческій, надстрочный знакъ. Но этотъ послѣдній, какъ извѣстно, изъ сохранившихся памятниковъ древней, церковно-славянской письменности, никогда не употреблялся тамъ, для выраженія густаго придыханія, и въ самомъ греческомъ языкѣ, врядъ-ли имѣлъ такой рѣзкій звукъ, какъ нѣмецкое: *h*, или славянское: *г*, въ словахъ: *Господи*, *Бога* и др. Что́-касается церковно-славянскаго языка, то кажется не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что литера: *г*, въ большей части случаевъ, если не въ началѣ, то по-крайней-мѣрѣ съ давняго времени, произносилась, какъ густое нѣмецкое: *h*. Такъ слова: *Богъ*, *Бога*, *Господь*, *Господи*, родительные падежи, на: *аго*, *его*, мѣстоимѣнія: *его*, *коего* и множе-

ство другихъ словъ, безъ-сомнѣнія, весьма-давно получили густой звукъ, литеры: *h*. На это указываетъ, отчасти, и наше церковное произношеніе славянскаго языка, гдѣ звукъ этотъ весьма-явственно слышится, до настоящаго времени, даже въ велико-русской мѣстности, въ которой, какъ тотчасъ замѣчено, онъ давно исчезъ, изъ народнаго говора.

Какъ-бы то ни-было, мы не имѣемъ особаго знака, для выраженія звука: *h*. Потому, одна и та-же буква: *г*, коей, по свойству нынѣшняго нашего выговора, рѣшительно усвоено правильное значеніе, твердаго: *г*, (латинское: *g*), вмѣстѣ-съ-тѣмъ служитъ у насъ, и для выраженія густаго придыханія. Между-тѣмъ надобность, у насъ, въ особомъ знакѣ для послѣдняго, представляется весьма настоятельной. Не говоря, о церковно-славянскомъ языкѣ и о нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ, въ нашемъ литературномъ языкѣ, есть немногія слова, которыя, кажется, правильнѣе было-бы писать съ этимъ знакомъ, (*когда*, *тогда*, *никогда*, въ коихъ, довольно-явственно, слышно густое придыханіе), и есть весьма значительное число, усвоенныхъ ему, иностранныхъ словъ, имѣющихъ этотъ звукъ, гдѣ употребленіе буквы: *г*, имѣетъ весьма-странный видъ. Такъ, напримѣръ, мы по-необходимости пишемъ: *гигіена*, *гонорарій*, *гипербола* и др., вмѣсто: *hигіена* и проч. Привычка только, можетъ дѣлать сноснымъ, подобный недостатокъ. Но стоитъ вспомнить, что мы также пишемъ слова: *гимназія*, *газета* и др., или написать выше-приведенныя слова, съ латинскою: *g*, для того чтобы убѣдиться, въ недостаточности нашей ортографіи. Притомъ, не надо забывать, что если знакомые съ иностранными языками, могутъ не ошибаться, въ произношеніи подобныхъ словъ, то незнающіе ихъ, необходимо должны встрѣчать, въ этомъ случаѣ, затрудненіе.

Наконецъ, не менѣе-важно и то, что мы употребляемъ множество иностранныхъ именъ, названій историческихъ мѣстъ и лицъ и др., которые имѣютъ въ себѣ этотъ звукъ, и для выраженія его, должны употреблять ту-же литеру: *г*. Такъ мы пишемъ: *Гомеръ*, *Гезіодъ*, *Гиппіасъ*, *Ганнибалъ* и множество другихъ словъ, не говоря о именахъ и названіяхъ, современныхъ намъ лицъ и мѣстъ. Недостатокъ этотъ, всегда замѣтный, сталъ еще чувствительнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ вошло въ обычай, брать для образца, сочиненія нѣмецкихъ ученыхъ, такъ-какъ писатели наши считаютъ, по-видимому, долгомъ, сохранять съ буквальной точностью, нѣмецкую ортографію, съ густымъ нѣмецкимъ: *h*. При неимѣніи, въ нашемъ алфавитѣ, этого знака, лучше было-бы писать: *Омеръ*, *Эсіодъ*, *Иппіасъ*, *Аннибалъ* и т. д., какъ и пишемъ: *исторія*, а не *гисторія*, *Испанія*, а не *Гиспанія*, *Эллины*, а не *Геллены* и т. под. Или вотъ случается встрѣчать, собственныя имена: *Гипполитъ*, *Гиппократъ*. Какой ученикъ *Иппократа*, узнаетъ своего наставника, въ этой одеждѣ?

Еще ощутительнѣе, въ нашемъ алфавитѣ, отсутствіе знака, для выраженія звука, согласной буквы: *і*, или такъ называемой: *јоты*. Извѣстно, что твердыя гласныя: *а*, *е*, *о*, *у*, во всѣхъ языкахъ, склонны къ смягченію посредствомъ, *јоты*, или къ такъ называемому, *јотированію*, т. е. онѣ принимаютъ довольно-часто, предзвукъ: *јоты*. То-же случается, хотя гораздо рѣже, и съ гласной *і*. Въ церковно-славянскомъ и въ русскомъ языкѣ, это *јотированіе* гласныхъ, встрѣчаемъ несравненно-чаще, чѣмъ въ другихъ. У древнихъ, не было особаго знака, для выраженія такого смягченія: но гласная: *і*, когда стояла предъ гласной, произносилась мягко, какъ согласная. Такъ собственныя имена: Ἰησοῦς, Ἰορδάν, Ἰακώβ, слѣдуетъ произносить такъ: *Јесусъ*, *Јорданъ*, *Јаковъ*; также слова: ἱερός,

ἰάομαι, названіе гласной: *ιῶτα* и другія подобныя, гдѣ гласная: *і*, сливается съ слѣдующей за ней, гласной, должны звучать, какъ-бы имѣли въ себѣ, согласную: *јоту*. То-же видимъ и въ латинскомъ языкѣ, въ словахъ: *jam, jacere, jecur, abjicere, jocus, juvare, adjungo* и многихъ другихъ. Только гораздо позднѣе, въ этомъ послѣднемъ языкѣ, придумали, для выраженія этого звукоизмѣненія гласной: *i*, нѣсколько видоизмѣнить ея очертаніе. И въ этомъ случаѣ, поступили совершенно-основательно, потому-что точной ортографіей, устанавливается и правильное произношеніе словъ.

Если припомнимъ, какъ часто слышится, въ нашей рѣчи, это *јотированіе* гласныхъ, трудно будетъ объяснить, почему мы, до сего времени, не заимствовали этого, столь простаго и вмѣстѣ, столь важнаго улучшенія. А для насъ, точное правописаніе имѣетъ особую важность, потому-что мы, по большей части, буквально держимся его, въ произношеніи словъ. Такъ, напримѣръ, имена: *Іоаннъ*, *Іаковъ*, *Іорданъ* и другія подобныя, у насъ обыкновенно произносятся, съ яснымъ звукомъ гласной: *і*; даже слово: *Іерусалимъ*, какъ случается иногда слышать, говорятъ такъ: *І-јерусалимъ*, чтó, для непривычнаго слуха, звучитъ весьма странно.

Между-тѣмъ недостатокъ согласной: *јоты*, въ нашемъ алфавитѣ, становится причиной, во-первыхъ, неправильной ортографіи, при употребленіи буквъ: *я*, *ю*, *е*, и *ѣ*, на чтó мы уже указывали, и во-вторыхъ, того, что мы вовсе не имѣемъ средствъ, къ выраженію *јотированія* гласныхъ: *о* и *і*. Такъ слова: *емкость*, *елка*, *подъемъ*, *объемъ*, *мое*, *твое*, *поетъ* и множество другихъ, которые произносимъ такъ: *јомкость*, *јолка*, *подъјомъ*, *объјомъ*, *мојо*, *твојо*, *појотъ*, мы по-необходимости пишемъ, но совершенно-неправильно, чрезъ гласную: *е*. Ихъ слѣдовало-бы, въ та-

комъ случаѣ, произносить: *јелка*, *подъјемъ* и т. д., какъ и произносимъ слова: *ель*, *ельникъ*. Также неправильно пишемъ мы слова: *ручьи*, *соловьи*, *ладьи* и др. под. Произнося ихъ правильно, надо-бы говорить: *соловйи*, *ручйи*, и проч. Правда, что мы имѣемъ такъ называемую, литеру: *и, съ краткой*, (*й*), но употребленіе ея ограничено. Впрочемъ, изо всего изложеннаго, достаточно видно, что литера эта, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ замѣнить, въ нашемъ алфавитѣ, недостатка согласной: *јоты*. Она ставится, у насъ, по обычаю, издавна утвердившемуся, только въ концѣ слоговъ, и въ такомъ случаѣ дѣйствительно, звучитъ какъ согласная: *јота*. Такъ въ словахъ: *рай*, *койма* и другихъ многихъ, эта литера имѣетъ, очевидно, звукъ согласнаго: *і*; почему она у насъ называется полугласной, трудно понять. Но въ началѣ слоговъ, литера эта вовсе не пишется. Стоитъ впрочемъ вдуматься въ ея значеніе, чтобы понять, почему употребленіе ея должно быть ограничено. Во-первыхъ, эти краткіе знаки надъ буквами, вовсе не пишутъ и не писали, никогда и нигдѣ, какъ знаки ортографическіе, да и мы ставимъ его, только надъ одной, этой гласной. Потомъ, наша литера: *иже*, есть греческая: ἦτα,—всегда долгая гласная. Что́ значитъ краткій знакъ, поставленный надъ долгой гласной? И не все ли это равно, что надъ однимъ и тѣмъ-же слогомъ, поставить два знака,—одинъ, долгій и другой, короткій? Которому изъ нихъ вѣрить? Здѣсь неправильность очевидна.

Нельзя не указать на одну странность нашего правописанія, причиной которой, тотъ-же недостатокъ. У насъ есть слово, которое мы пишемъ такъ: *ее*. Каждый образованный человѣкъ, нетвердо знакомый, съ особенностями русскаго правописанія, увидѣвъ это слово въ печати нашей, утвердительно скажетъ, что это, удвоенная

гласная: *е*, или долгое: *е*, что оно, во всякомъ случаѣ, составляетъ *одинъ слогъ*. Нѣтъ, отвѣтимъ мы, здѣсь два слога; это извѣстный, *accusativus*, нашего, *pronominis*: *она*. Что въ правѣ замѣтить нашъ собесѣдникъ? Напишите это слово, какъ должно: *jejo*, — тогда каждый прочтетъ его, безъ труда.

Пусть будетъ намъ позволено, въ заключеніе этого разбора, привесть еще примѣръ,—одинъ изъ большаго числа,—того, какую путаницу въ изученіи нашего языка, производитъ наше погрѣшительное правописаніе.

А. Х. Востоковъ, въ извѣстномъ своемъ руководствѣ, (§ 25), раздѣляя существительныя имена, правильно склоняемыя, на *два* склоненія, приводитъ и *пятнадцть* окончаній, которыя этѣ существительныя имѣютъ, въ именительномъ падежѣ, единственнаго числа. Пятнадцать окончаній;—не считая дробленій, не считая нѣсколькихъ страницъ, примѣчаній, дополненій и исключеній.

Если-бы случилось встрѣтить чудака, который сумѣлъ удержать въ памяти, все это множество звуковъ, то можно быть поставлену въ затрудненіе: удивляться-ли такой счастливой способности, или скорбѣть о времени, такъ даромъ потраченномъ?

Не имѣя возможности, по характеру этой статьи, вдаваться въ разборъ опредѣленій, сдѣланныхъ почтеннымъ ученымъ, скажемъ одно. Слѣдуя буквально его указаніямъ, этѣ *пятнадцать* окончаній, со всѣми подраздѣленіями, сведутся къ *пяти*, если напишемъ правильно, склоняемыя имена. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто *десяти* окончаній, именъ *перваго* склоненія, найдемъ слѣдующія *три*:

Къ *первому* окончанію, отнесемъ имена, кончащіяся, въ именительномъ падежѣ, единственнаго числа, на *твердыя гласныя: е* и *о*.

Ко *второму*, кончащіяся на *смягченныя гласныя: е* и *о*, а также, на *шипящую согласную* и на *согласную мягкую*, (*мужескаго* рода).

Наконецъ, къ *третьему*, имена, кончащіяся на *твердую согласную* и на *согласную: јоту*.

Пять окончаній, именъ *втораго* склоненія, сведутся къ *двумъ*. *Первое* изъ нихъ, составятъ имена, кончащіяся въ томъ-же падежѣ, на *гласную: а*, (*твердую*, или *смягченную*); и *второе*, кончащіяся на *мягкую согласную*, имена *женскаго* рода.

Пусть читатель убѣдится самъ, въ справедливости этѣхъ замѣчаній. Сдѣлать это весьма легко. Стоитъ только написать, согласно съ указываемыми здѣсь правилами, склоненія этѣхъ именъ, по числамъ и падежамъ, и каждому станетъ совершенно-яснымъ, какъ правильная ортографія упроститъ, въ нашемъ языкѣ, всю эту запутанность этимологическихъ выводовъ и опредѣленій.

Это мы нашли въ одномъ примѣрѣ, однѣхъ склоненій. Что́-бы оказалось, еслибъ представилась возможность пойти далѣе, и взглянуть, положимъ, на наши глаголы? Кому не знакомы таблицы спряженій, составленныя тѣмъ-же почтеннымъ ученымъ? Какое море звуковъ! Какая бездна знаковъ! Кто, и когда, былъ въ состояніи, не скажемъ, удержать ихъ въ памяти, но только освоиться въ нихъ, и извлечь отсюда какую-либо пользу? Но мы избавимъ себя, отъ цѣлой половины всего этого богатства, какъ только рѣшимся писать правильно, на своемъ родно́мъ языкѣ,— не говоря о болѣе строгихъ, научныхъ опредѣленіяхъ.

III.

Non satis est pulchra esse poëmata dulcia sunto.

HORATIUS.

Разборъ недостатковъ нашего алфавита, самъ-по-себѣ указываетъ и на средства къ его исправленію. Средства этѣ, по нашему мнѣнію, слѣдующія:

Во-первыхъ, надо-бы прибавить къ нему недостающіе знаки, о коихъ мы тотчасъ говорили. Необходимость этой прибавки, достаточно доказана. И пусть никого не устрашаетъ мысль, что чрезъ нее увеличится, и безъ того чрезмѣрное, количество нашихъ письменныхъ знаковъ. Прибавка эта столь важна, что и при такомъ условіи, неизбѣжно слѣдовало-бы ее сдѣлать. Но мы тотчасъ увидимъ, что не смотря на нее, алфавитъ нашъ сократится на цѣлую треть, и болѣе.

И такъ, надо ввести въ нашъ алфавитъ, необходимые для него, два знака, для выраженія *густаго придыханія*, и *јотированія гласныхъ*, т. е. *литеры: h* и *j*. Форму для этѣхъ литеръ, лучше всего было-бы оставить ту, какая имъ усвоена, въ латинской печати.

Во-вторыхъ, чрезъ прибавку этѣхъ буквъ, надо-бы исправить правописаніе нашихъ сложныхъ гласныхъ и согласныхъ. Начнемъ съ гласныхъ. Надо, прежде всего, исправить правописаніе: *а*) *литеръ: я* и *ю*. Этѣ двѣ литеры окажутся лишними, потому-что совершенно-удобно и правильно, могутъ быть замѣнены, слогами: *ja* и *jy*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ *јотированный* звукъ, т. е. когда стоятъ, въ началѣ слога. Но мы замѣ-

тили, что наши твердыя гласныя, слѣдуя непосредственно, т. е. въ одномъ слогѣ, за согласной, имѣющей мягкій акцентъ или удареніе, сами принимаютъ отъ нея это мягкое удареніе, и такимъ-образомъ, измѣняютъ свой первоначальный, чистый и твердый звукъ, на смягченный. Мы видѣли также, что для выраженія этого смягченнаго звука, мы, или вовсе неимѣемъ средствъ, или выражаемъ его неправильно, тѣми-же знаками: *я*, *ю*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, ортографія, съ совершенной правильностью, должнабы слѣдовать произведенному, мягкой согласной, звукоизмѣненію этѣхъ гласныхъ, т. е. надъ *гласными: а, у, принявшими мягкій акцентъ*, надо будетъ ставить *знакъ мягкаго акцента.*

b) Надо будетъ исправить правописаніе нашей гласной: *е*. Обращалъ-ли кто, достаточное вниманіе на то, что эта гласная имѣетъ, у насъ *пять*, различныхъ произношеній? Она имѣетъ, 1) правильный, принадлежащій ей во всѣхъ алфавитахъ, звукъ открытаго, *твердаго: е*, въ словахъ: *смѣшеніе*, *брожженіе* и другихъ. Она, произносится: 2) съ предзвукомъ: *jоты*, когда стоитъ въ началѣ слога: *есть*, *слѣдуетъ*; 3) какъ *смягченное: е*, въ наибольшемъ числѣ случаевъ: *тереть*, *несть*, *лечь;* 4) какъ *jотированное: о*, въ словахъ: *емкость*, *елка*, *объемъ*, *копье*, *ружье* и другихъ многихъ, наконецъ, 5) какъ *смягченное: о*, въ словахъ: *дернуть*, *легкій*, *несетъ*, *идетъ* и т. под. Стоитъ-ли говорить, о неправильности подобной ортографіи? Но эта неправильность весьма-легко устранится, со введеніемъ, въ нашъ алфавитъ, *согласной: jоты.*

Для этого прежде всего, надо будетъ усвоить гласной: *е*, правильный выговоръ, открытаго, твердаго: *е*, (взамѣнъ нынѣшняго, неправильнаго произношенія: *есть*), а *jотированный* звукъ ея, выражать приставкой, *согласной: jоты*, что непогрѣшительно, со стороны ортографіи, и не под-

вергаетъ выговоръ, никакой двусмысленности. Также звукъ *јотированнаго: о*, правильно выразится, чрезъ подобную приставку, къ этой послѣдней гласной, а относительно смягченнаго ея звука, надо будетъ поступить, какъ мы поступили, относительно смягченныхъ гласныхъ: *а* и *у*, т. е. обозначать его, знакомъ мягкаго акцента.

Сходно съ этимъ правиломъ, слѣдовало-бы поступить и для означенія, смягченнаго звука, гласной: *е*. Но мы замѣтили, что гласная эта, у насъ, въ несравненно-большемъ числѣ случаевъ, произносится совершенно-мягко, и конечно, странно было-бы, каждый разъ, какъ пишемъ, сопровождать ее, знакомъ мягкаго акцента. Несравненно-удобнѣе будетъ, употреблять *твердое удареніе*, для означенія *открытаго* ея произношенія, принявъ, въ такомъ случаѣ, за неизмѣнное правило, что она всегда произносится мягко, если не имѣетъ надъ собой, этого знака.

Наконецъ, *с*) чрезъ введеніе въ нашъ алфавитъ, особаго знака, для выраженія густаго придыханія, (литеры: *h*), мы избавимъ себя, съ большою правильностію, отъ особыхъ литеръ, какія вынуждены употреблять теперь, неизящныхъ и лишнихъ, для такъ называемыхъ, *шипящихъ согласныхъ*. Это литеры: *ж*, *ч*, *ш* и *щ*. Но прежде разсмотрѣнія ихъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о нашей согласной: *ц*.

Сколько-нибудь внимательное ея разсмотрѣніе, убѣдитъ каждаго, что мы, безъ достаточнаго основанія, употребляемъ здѣсь, особый и своеобразный знакъ, незнакомый другимъ алфавитамъ. Звукъ: *ц*, имѣетъ въ своемъ основаніи, согласную: *с*, съ легкимъ предзвукомъ, согласныхъ: *т* или *д*. Не будетъ-ли несравненно-ближе, къ выражаемому звуку, писать его, чрезъ ту-же согласную: *с*, обозначая предзвукъ другой

5

согласной, подстрочнымъ знакомъ, нечуждымъ и другимъ алфавитамъ,—говоримъ о французской: *çédille*? Не сомнѣваемся нисколько, что эта замѣна правильна и удобна, особенно тѣмъ, что избавитъ насъ, отъ совершенно-ненужнаго и лишняго знака.

Чтó-касается шипящихъ согласныхъ, то ихъ замѣна, простыми и всѣмъ извѣстными знаками, не представитъ намъ, теперь, никакого затрудненія. Дѣйствительно, согласныя: *ж* и *ш*, суть ничто иное, какъ: *з* и *с*, облеченныя густымъ придыханіемъ, и потому, весьма-послѣдовательно, могутъ быть замѣнены, сложными согласными: *zh* и *ch*.

Согласная: *ч*, состоитъ изъ звуковъ: *т* и *ш*, т. е. *тш*, или: *tch*; а такъ-какъ звукъ: *тс*, (или: *ц*), мы признали возможнымъ, замѣнить знакомъ: *ç*, то литеру: *ч*, будемъ писать такъ: *çh*.

О литерѣ: *щ*, скажемъ только, что многими была замѣчаема, ненужность этого знака, для нашего письма, и совершенно-правильно. Эта согласная состоитъ изъ звуковъ: *с*, *т* и *ш*, или: *сч*. Въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ напримѣръ: *счетъ*, *счастье* и друг., она довольно-давно, замѣняется у насъ, означенными буквами. Такъ, кажется, можно-бы поступать, и во всѣхъ случаяхъ, и писать ее такъ: *cçh*.

Но какимъ-образомъ поступить, если литеры: *z* и *h*, или: *c* и *h*, въ какомъ-либо словѣ, должны быть произнесены раздѣльно, а не слитно, какъ шипящія: *ж* и *ш*? Собственно, въ русскомъ языкѣ, такихъ звуковъ нѣтъ. Они, впрочемъ, могутъ встрѣтиться, въ церковно-славянскомъ, или въ областныхъ нарѣчіяхъ. Кажется, что для выраженія этого раздѣльнаго произношенія, согласныхъ: *z* и *c*, и густаго придыханія: *h*, лучше всего было-бы, обозначать его, *твердымъ*, или *мягкимъ акцентомъ*, который слѣдуетъ, въ такихъ случаяхъ, ставить, надъ согласными: *z* и *c*, смотря

потому, какой выговоръ, твердый, или мягкій имѣютъ онѣ, въ данномъ случаѣ.

Въ-третьихъ, для приведенія въ порядокъ нашего алфавита, надо-бы исключить изъ него всѣ тѣ литеры, которыя на основаніи этого анализа, оказываются лишними. Такихъ литеръ, мы нашли *пятнадцать*. Это *гласныя: и, ы, ѣ, э, ю, я, полугласныя: ъ, ь, й* и *согласныя: ж, ц, ч, ш, щ*, и *ѳ*. Доводы, на основаніи коихъ, литеры этѣ должны быть, частію исключены, изъ нашего алфавита, частію замѣнены, другими знаками, приведены съ достаточной подробностью.

Къ исключаемымъ, прибавимъ *согласную: Б*. Въ самомъ началѣ этого разбора, мы имѣли случай замѣтить, что весьма-странно, для звука, столь извѣстнаго и общаго всѣмъ языкамъ, употреблять знакъ, своеобразный и некрасивый. Несравненно - послѣдовательнѣе, дать правильное произношеніе, употребляемой нами, литерѣ: *В*, т. е. произносить ее какъ: *б*, что во всѣхъ алфавитахъ, принято, не исключая и древняго, греческаго, а звукъ, выражаемый литерою: *в*, писать чрезъ нашу, такъ называемую, *ѵжицу*, (латинское: *v*).

Въ-четвертыхъ, надо будетъ ввести, въ нашъ алфавитъ, необходимые для него, два надстрочные знака, одинъ, для *твердаго* и другой, для *мягкаго акцента*.

Для перваго изъ нихъ, лучше всего было-бы, принять, извѣстный древнему, греческому и новому, французскому алфавиту, *знакъ тяжелаго ударенія*, (`), (*accent grave*). Для втораго, потому нельзя заимствовать *знака остраго ударенія*, (*accent aigu*), что этотъ послѣдній, по утвердившемуся у насъ обычаю, принято употреблять, для означенія ударенія слоговъ, при произношеніи словъ, въ чемъ, въ нашемъ языкѣ, довольно часто, можетъ встрѣтиться надобность. Потому лучше, кажется, было-бы, принять для

этой цѣли, извѣстный, надстрочный знакъ, *apostrophe*, или *запятую*, съ тѣмъ, что его надо будетъ ставить *сверху*, *надъ смягчаемыми буквами*. Затѣмъ, употребленіе этихъ знаковъ, въ нашей ортографіи, можетъ быть слѣдующее:

Знакъ *твердаго ударенія*, надо будетъ ставить: 1) надъ *гласными*: *е* и *і*, для обозначенія ихъ *открытаго*, *твердаго* произношенія, и 2) надъ *согласными буквами*, только въ слѣдующихъ случаяхъ: *a*) когда предлоги: *во*, *ко*, *со*, вслѣдствіе элизіи гласной: *о*, сливаются съ слѣдующимъ словомъ, и *b*) надъ согласными, *облеченными густымъ придыханіемъ*, для раздѣльнаго ихъ произношенія, въ отличіе отъ сложныхъ согласныхъ, о чемъ тотчасъ упомянуто. Ставить его надъ каждой, твердо произносимой, согласной, нѣтъ необходимости.

Знакъ *мягкаго ударенія*, можно будетъ употреблять, для означенія: 1) *мягкаго произношенія согласныхъ буквъ* и 2) *смягченнаго произношенія твердыхъ гласныхъ: а, о, у*, на что мы указывали.

Наконецъ, для окончательнаго приведенія въ порядокъ нашего алфавита, надо-бы,

Въ-пятыхъ, измѣнить произвольную форму, усвоенную у насъ, нѣкоторымъ литерамъ, и принять различныя очертанія, для прописныхъ и строчныхъ знаковъ.

Здѣсь слѣдуютъ наши литеры, въ азбучномъ порядкѣ, съ указаніемъ, при каждой изъ нихъ, тѣхъ измѣненій, коимъ онѣ могутъ быть подвергнуты, на основаніи изложенныхъ замѣчаній. Сначала, *гласныя* и *полугласныя*:

А, а. Эту литеру печатаемъ и пишемъ мы, правильно. Впрочемъ, было-бы желательно, въ строчномъ ея очертаніи, сдѣлать небольшое улучшеніе: лучше было-бы, еслибъ изогнутую, поперечную линію ея, печатали нѣсколько выступающей, изъ нижней линейки; печать наша выиграетъ оттого много, въ четкости.

Е, е. Эта литера останется безъ измѣненія.

И, и. Эта литера исключена изъ нашего алфавита, какъ лишняя. Полугласная: *й*, замѣнится, *согласной: јотой.*

І, і О, о. Этѣ литеры не могутъ быть измѣнены.

У, у. Это, какъ мы замѣтили, есть строчное очертаніе греческой: *ὖ ψιλόν*, и противъ ея строчной формы, и у насъ, нечего возражать. Но прописное наше: *У*, удобно только для рукописнаго почерка, гдѣ и можно его оставить, а въ печати замѣнить латинскимъ очертаніемъ: *U*, которое удобнѣе, и какъ мы видѣли, заимствовано изъ греческаго алфавита.

Ъ, Ь. Обѣ этѣ литеры могутъ быть исключены. Онѣ, въ необходимыхъ случаяхъ, замѣняются надстрочными знаками.

Ы. Эта, такъ называемая, гласная исключена. Твердое произношеніе гласной: *і*, можно означать, *знакомъ твердаго акцента*, надъ этой гласной.

Ѣ, ѣ, Э, э, Ю, ю, Я, я. Этѣ литеры также исключены. Онѣ, гдѣ надо, замѣняются, или приставкой, *согласной: јоты*, къ смягчаемымъ гласнымъ, или надстрочными знаками, надъ тѣми-же гласными.

Ѵ, ѵ. Эта литера исключена изъ числа *гласныхъ*, но за ней, оставлено значеніе, *согласной: в.* Очертаніе ея должно быть такое, какъ и въ латинскомъ алфавитѣ, (*V*), потому-что это та-же буква.

Теперь слѣдовало-бы прямо перейти, къ разсмотрѣнію нашихъ согласныхъ буквъ, но предварительно, не безполезно будетъ, сдѣлать одну, небольшую замѣтку. Обращалъ-ли кто, достаточное вниманіе на ту странность, какую мы допускаемъ, при печатаніи нашихъ согласныхъ буквъ? Странность эта заключается въ томъ, что заимствовавъ, изъ западнаго алфавита, улучшенное очертаніе нѣкоторыхъ, про-

писныхъ литеръ, мы не рѣшаемся заимствовать строчное очертанiе этѣхъ литеръ, изъ того-же алфавита, а оставляемъ прописное очертанiе, и для строчныхъ знаковъ. Почему мы такъ поступаемъ, мы съ своей стороны никогда не могли понять, и потому не сдѣлаемъ здѣсь никакой попытки, къ разъясненiю этого. Вотъ, напримѣръ, литера: *Т*. Она общая, греческому и латинскому алфавиту. Наше очертанiе, въ печатномъ шрифтѣ, прямо заимствовано, изъ послѣдняго. Строчное очертанiе, въ греческой и латинской печати, представляетъ столь ничтожную разницу, что о ней не стоитъ упоминать. И въ той и другой, оно отличено отъ прописнаго, и весьма-удобно, какъ для печати, такъ и для рукописнаго почерка. Какъ мы поступаемъ? Казалось-бы проще всего, принявъ прописную, латинскую форму этой литеры, принять ту-же строчную. Нѣтъ, мы удерживаемъ прописное ея очертанiе, и для строчнаго знака, и тѣмъ совершенно произвольно и безъ всякой необходимости, портимъ свою печать. Въ курсивномъ шрифтѣ, странность эта простирается далѣе. Эту литеру, которая на всѣхъ языкахъ, всегда писалась *одной* чертой, придумали мы, писать *тремя* чертами! Для чего? Едва-ли есть возможность, объяснить. Или вотъ, литеры: ***В*** и ***М***. Кто, незнавъ, повѣритъ, что обѣ этѣ, громадныя литеры втискиваются, у насъ, безъ всякаго измѣненiя, въ узкую рамку, малой печатной строки? Но это, дѣйствительно, такъ. Между-тѣмъ, ничто, казалось-бы, не препятствовало намъ, принять строчное латинское ихъ очертанiе, такъ-какъ прописное, взято оттуда. Но, скажутъ, греческiй алфавитъ не зналъ этой формы. Не совсѣмъ-такъ. Надо помнить, что греческiй алфавитъ не знаетъ и печатнаго шрифта. Сверхъ-того, онъ строго различаетъ строчныя очертанiя этѣхъ литеръ, отъ прописныхъ, и никогда не допускалъ, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ,

употреблять, для нихъ, одни и тѣ-же знаки. Если намъ не нравится строчная, латинская форма, слѣдовало-бы принять греческую. Но это невозможно, потому-что нашъ печатный шрифтъ, въ-противность греческому, совсѣмъ отличенъ отъ рукописнаго. И такъ остается обратиться, къ латинскому образцу.

Вотъ обзоръ нашихъ согласныхъ буквъ, съ указаніемъ тѣхъ перемѣнъ, какія необходимо сдѣлать, относительно ихъ, въ нашей печати.

Б, б. Эту литеру можно исключить, изъ нашего алфавита, какъ лишнюю. Взамѣнъ ея, нашей литерѣ,

В, в, правильнѣе будетъ, усвоить звукъ, согласной: *б*, принадлежащій ей, во всѣхъ алфавитахъ, древнихъ и новыхъ языковъ. Затѣмъ, прописнаго очертанія ея, нѣтъ надобности измѣнять, но строчное, само-собой разумѣется, надо заимствовать, изъ латинскаго, *(b)*.

Г, г. Литеру эту, необходимо измѣнить, или замѣнить другой. Не только, потому-что она въ прописной формѣ, неизящна, и въ строчной, — немыслима, но и по другой причинѣ. Извѣстно, что мы пишемъ ее такъ, какъ должно-бы писать прописное: *Т*, и по близости очертаній этѣхъ двухъ литеръ, въ греческомъ, и нашемъ алфавитѣ, невозможно избѣжать затрудненія, при употребленіи ихъ, въ письмѣ. Вотъ почему, а также, чтобы избѣжать произвольныхъ измѣненій, въ очертаніяхъ литеръ, или не придумывать совершенно-новыхъ знаковъ, для звуковъ, всѣмъ знакомыхъ, правильнѣе всего, кажется, было-бы, принять для нея, латинское очертаніе. Но строчное: *g*, въ латинской печати, некрасиво. Потому, мы хорошо поступимъ, если заимствуемъ этотъ знакъ, изъ нѣмецкой печати, конечно, за исключеніемъ угловатой его формы.

Д, д. Объ этой литерѣ подробно говорено, въ началѣ статьи. Нѣтъ никакой возможности, оставить ее, въ

томъ видѣ, какъ ее печатаютъ у насъ, нынѣ. Въ рукописи, давно, всѣми употребляется латинское ея очертаніе. Также, отчасти, и въ печати, для такъ называемаго, курсивнаго шрифта. Это очертаніе можетъ быть рѣшительно усвоено ей, во всѣхъ случаяхъ.

Ж, ж. Никто, надѣемся, не посѣтуетъ за то, что этотъ странный знакъ исчезнетъ, изъ нашей печати, и замѣнится, сложной согласной: *zh*.

З, з. Литерѣ этой надо-бы возвратить ея греческое очертаніе, которое она, у насъ, утратила, безъ всякаго основанія. Прописное очертаніе ея, въ греческомъ алфавитѣ, то-же, что̀ и въ латинскомъ. Оно можетъ быть, безъ неудобства, удержано, и для строчнаго знака, потому-что по простотѣ своей, нисколько не вредитъ четкости печатнаго шрифта.

К, к. Эта литера можетъ быть оставлена, безъ измѣненія. Надо только замѣтить: 1) что обѣ, изогнутыя, мелкія линіи, въ ней, какія привились къ нашей печати, неизвѣстны греческому алфавиту, и нисколько ее не украшаютъ, и 2) что въ строчномъ знакѣ, вертикальная линія должна-бы выступать изъ верхней линейки, печатной строки.

Л, л. Этой литерѣ тоже можно возвратить ея греческую форму, такъ-какъ она и заимствована изъ греческаго алфавита. Здѣсь, строчный знакъ имѣетъ два очертанія. То изъ нихъ, что̀ усвоено латинской печатью, лучше всего, кажется, принять и намъ.

М, м. Объ этой литерѣ, тотчасъ нами упомянуто. Прописное ея очертаніе, у насъ, правильно, но строчное, невозможно: его лучше всего, заимствовать изъ латинской печати, изъ коей взято прописное.

Н, н. Этой литерѣ также надо-бы возвратить греческое очертаніе, нечуждое и древнему, славянскому алфавиту, т. е.

писать ее такъ: *N*. Что́-касается строчной ея формы, то мы потому не можемъ принять латинскаго образца, что у насъ строчное: *п*, (*покой*), пишутъ какъ латинское строчное: *n*. Въ греческомъ алфавитѣ, строчной литерѣ, здѣсь, усвоенъ знакъ: *νῦ*, т. е. въ ней, какъ видно, для этой цѣли, откидывается первая линія прописной: *Nῦ*. Мы будемъ близки къ этому образцу, и поступимъ совершенно-правильно, если для строчнаго знака, примемъ очертаніе латинской, строчной: *u*, что̀ не представитъ для насъ никакого неудобства, такъ-какъ знакъ этотъ усвоенъ печатью, и вслѣдствіе исключенія, изъ нашего алфавита, гласной: *и*, (*восьмеричнаго*), не будетъ имѣть, близко-подходящей къ себѣ, по очертанію, литеры.

П, п. Эта литера останется безъ измѣненія. Въ строчномъ знакѣ, здѣсь, само-собой разумѣется, вторая линія будетъ имѣть вверху, округленную черту, какъ латинское: *n*.

Р, р. С, с. Обѣ этѣ литеры могутъ быть оставлены безъ измѣненія.

Т, т. Объ этой литерѣ, только что говорено. Въ ней надо измѣнить строчное очертаніе, которое, въ греческомъ и латинскомъ алфавитѣ, одно, и у насъ можетъ быть принято, безъ измѣненія. Въ рукописи, ее, конечно въ такомъ случаѣ, будемъ писать, какъ и латинское: *T*, *t*.

Ф, ф. Противъ прописнаго очертанія этой литеры, нечего возражать; но оставлять то-же очертаніе, и для строчнаго знака, въ высшей-степени странно. Нѣтъ также никакаго основанія къ тому, чтобы поперечная линія, въ немъ, пересѣкала обѣ линейки, печатной строки; она должна-бы выступать только изъ нижней, какъ въ строчномъ: *p*. Такъ ее пишутъ и въ греческомъ алфавитѣ.

Х, х. Эта литера останется безъ измѣненія.

Ц, ц. Эта литера замѣнится, литерою: *c*, съ подстрочнымъ знакомъ, *(çédille)*: *ç*.

Ч, ч. Эта литера замѣнится, сложной согласной: *çh*, какъ мы имѣли случай замѣтить.

Ш, ш. Литеру эту, которая есть ничто иное, какъ согласная: *c*, съ густымъ придыханіемъ, такъ и должно-бы писать: *ch*.

Щ, щ. Этотъ знакъ и теперь, если не ошибаемся, большею частію писателей, признается лишнимъ. Состоя изъ звуковъ: *c* и *ч*, *(çh)*, онъ такъ и можетъ быть печатанъ: *cçh*.

Ѳ, ѳ. Литера эта, почти никогда неупотребляемая, и въ настоящее время, въ русской печати, можетъ быть изъ нея исключена.

Ѵ, ѵ. О значеніи и очертаніи, какія могутъ быть усвоены этой литерѣ, сказано, при обзорѣ гласныхъ буквъ.

Наконецъ, мы необходимо должны-бы заимствовать, изъ латинскаго алфавита, двѣ литеры, одну, для означенія густаго придыханія, и другую, для выраженія извѣстнаго звукоизмѣненія, гласной: *i*, въ согласную: *jomy*, т. е. литеры: *H*, *h*, и *J*, *j*.

Затѣмъ литеры нашего, вновь-составленнаго алфавита, могутъ быть расположены, въ слѣдующемъ порядкѣ:

очертаніе:	A, a.	B, b.	V, v.	G, *g*. *)	D, d.	E, e.
произношеніе:	*a.*	*бэ.*	*вэ.*	*гэ.*	*дэ.*	*э.*

Мы пишемъ:

Я, якорь, стоянка, предъявленіе, объявить, разъяснить, линія, перья, стручья.

Алябьевъ, Непрядва, клятва, популярный, теряй, роняетъ, дядя, хозяинъ, князь, пеня, предварю, предваряя.

---

*) Этѣ литеры оставлены безъ измѣненія, по неимѣнію въ типографіи

очертаніе: H, h. Z, z. I, i. J, j. K. k. Л, *) l.
произношеніе: *ha, густое-придыханіе.* *зэта.* *i.* *jota.* *ка.* *эль.*

M, m. N, u. O, o. П, n. P, p. C, c. T, t.
эмъ. *энъ.* *о.* *пэ.* *эръ.* *эсъ.* *тэ.*

U, y. Ф, ф. *) X, x.
у. *эфъ.* *ха.*

Литера: ç, произносится какъ: *tc*, (*ц*). Сложныя согласныя суть: *zh*, (*ж*), *ch*, (*ш*) и *çh*, (*ч*).

Два надстрочные знака, одинъ, для твердаго, (̇), и другой, для мягкаго акцента, (’), ставятся, надъ согласными и надъ гласными буквами, для означенія ихъ твердаго, или мягкаго произношенія.

Такъ составленный алфавитъ простъ, изященъ и четокъ. Онъ состоитъ изъ двадцати-двухъ литеръ, и потому, короче всѣхъ, извѣстныхъ алфавитовъ, древнихъ и новыхъ языковъ. Наконецъ, что̀ важнѣе всего, онъ непогрѣшителенъ, со стороны ортографіи, и всѣ своеобразные звуки нашего языка, съ помощію его, могутъ быть выражаемы несравненно-точнѣе и правильнѣе, чѣмъ нынѣшнимъ нашимъ письмомъ.

Въ заключеніе всего, пусть будетъ намъ позволено, представить читателямъ, нѣсколько примѣровъ, исправленнаго, русскаго правописанія.

Надо-бы писать:

Ja, jakoṗ, ctojauka, npedjavleuije, objaviľ, pazjacuiľ, liuija, neṗja, ctpyçḣja.

Alȧbjev, Nenpȧdva, klȧtva, nonylȧpuoj, tepȧj, pouȧjet, ḋȧdȧ, xozȧiu, kuȧż, neuȧ, npedvapẏ, npedvapȧja.

исправленныхъ знаковъ.

Его, есть, ѣхать, терпѣнье, имѣніе, съѣздъ, пріѣздъ, подъѣздъ, военный.

Тереть, нести, везти, дѣло, дерево.

Ручьи, ладьи, семьи, соловьи.

Мое, поетъ, объемъ, пріемъ, разовьетъ, копье, ружье, ежъ, елка.

Юность, *югъ*, мою, твою, пою, семью, ладью.

Конемъ, сестеръ, идетъ, несетъ, дернуть, легкій.

Рюрикъ, Блюхеръ, Брюссель, дѣлю, велю, любовь, молю, всю, всей, все.

Этотъ, эхо, поэтъ, элементъ, броженіе, цѣлость, цаловать, паціентъ, акцентъ.

Войско, линейка, койма, рай, дай, пой, Іокогама, маіоръ.

Разбить, отбитъ, бытъ, прибыть, предыдущій, безыменный, обыскъ, мосты, мести.

Мечъ, лучь, плащъ, мышь, камышъ, рожь, ножъ.

Широта, шорохъ, берешь, велишь, вечерній, чтеніе, счастье, щедрость, поющій, жизнь, жертва.

Гомеръ, Гиппократъ, Голландъ, *Гестингсъ,* гипербола, *газета.*

Съ Габсбургскимъ Домомъ, съ Ганноверскимъ королевствомъ, згадати, изгой.

Въ немъ, съ ней, къ нему, въ Москвѣ, въ XIV вѣкѣ, къ 15-му дню.

КОНЕЦЪ.

Jevo, jecť, jexať, tepneůje, imeuije, cjezd, npijezd, nod-jezd, vojeuuoj.

Tepeť, uecti, vezti, delo, depevo.

Pyçhji, laďji, cemji, colovji.

Mojo, nojot, objom, npijom, pazovjot, koňjo, pyzhjo, jozh, jolka.

Jyuocť, *jyg*, mojy, tvojy, nojy, cemjy, laďjy.

Kouȯm, cectȯp, idȯt, uecȯt, dȯpuyt, lȯhkij.

Pẏpik, Blẏxep, Bpẏccel', delẏ, velẏ, lẏbov, molẏ, vcẏ, vcej, vcȯ.

Ètot, èxo, noèt, èlemèut, bpozhèuije, çèlocť, çèlovať, naçièut, akçèut.

Vojcko, lìuejka, kojma, paj, daj, noj, Jokohama, majop.

Pazbiť, otbit, bìt, npibìť, npedìdycçhij, bezìmeuuoj, (или: bez-imeuuoj), obìck, moctì, mecti.

Meçh, lyçh, nlacçh, mìch, kamìch, pozh, uozh.

Chipota, chopox, bepȯch, velich, veçhèpuij, çhteuije, cçhactje, cçhèdpoct, nojycçhij, zhizů, zhèptva.

Homèp, Hinnokpat, Hollaud, *Hèctiugc*, hinèpbola, *gazeta*.

'*Chabcbypgckim Domom*, 'c Hauuovepckim kopolevctvom, zhadati, i'zhoj.

'Vuȯm, 'cuej, 'kuemy, 'Vmockve, 'v XIV veke, 'k 15-my duẏ.

КОНЕЦЪ.

